Укротительницы миллионеров

Автор:

[Агата Санлайт](#)

Укротительницы миллионеров

Агата Санлайт

1. Укрощение дикого миллионера

Дикарь из леса с миллионным состоянием, загадочной тетей, которая все знает и душевной травмой? То, что нужно одинокой журналистке, чтобы и дела свои поправить благодаря сенсации и личную жизнь наладить.

Вот только этот варвар целует и обнимает, не спрашивая согласия. И приходится бежать от него, сломя голову, плюнув на романтику и работу...

А тут буквально на дороге валяется... ой встречается другой миллионер. Джентльмен и местами даже обаятельный шутник.

Вот только женское сердце не ищет легких путей...

2. Семья напрокат

– Я понял, что вы делаете про меня очерк. Готов ответить на самые провокационные вопросы. Но у меня есть предложение.

– Какое?

– Я хочу, чтобы вы стали моей фиктивной женой.

– Да что вы себе позволяете? Я замужем и у меня ребенок!

Однажды мне поручили сделать очерк про Александра Тамилина, известного своей нелюбовью к прессе. Я ожидала чего угодно, кроме того, что вначале он примет меня за курьера, затем свалится на меня как снег на голову. А потом предложит такое...

3. Миллионеры к ногам не падают?

Миллионеры к ногам не падают? Как бы не так! Правда, он упал не к ногам, а на наш диванчик, в гадальном подвале. Раненый и беспомощный. Я спасла его, а потом он явился с предложением... Заплатить, чтобы я стала его постоянной любовницей. Ну вот, спрашивается, и зачем я спасала этого гада? А тут еще все гадальные карты против меня! Так и пророчат мне отношения с этим наглецом!

Агата Санлайт

Укротительницы миллионеров

Сборник

Укрощение дикого миллионера

Пролог

Олена

– Тебе, что, не нравится корпоратив? – заметив, что я нервно стучу ногой об пол, тихо спросила Таня – редакционный фотограф и соседка по столику.

- Как бы тебе сказать? Безумно! - съязвила я в ответ.

- Да ты что-о? Можно ведь поесть за счет любимой редакции! С нашей зарплатой такие яства только на снимках и увидишь. Можно поплясать рядом с начальством! Нафоткать компромата... на редактора и коллег... А потом использовать все по назначению... Чтобы меньше доставали коллеги и редактор почаще выписывал премии... А?

- Это аргумент! - усмехнулась я. - Вот только на танцполе тебя защупают пьяненькие мужики. А обжираловку я вообще не люблю.

- Тогда зачем же пришла?

- А то ты сама не слышала, как наш Артур Наилевич говорил на планерке. «На День рождения редакции придут важные спонсоры. Все должны явиться обязательно! Улыбаться! И делать вид, что мы - большая и дружная семья...»

- Ага... А ставить друг другу подножки уже на работе...

- А тут еще этот карнавал! - я подняла руки, показывая рукава «летучая мышь» и поправляя серую маску с перьями.

- Ну официальная часть закончена. Первая стадия обжорства пройдена. Начались танцы шманцы обжиманцы. Попробуй улизнуть, - подтолкнула меня плечом Таня.

В эту минуту как раз заиграла медленная мелодия. На сцену вылезли женщины, волоча за собой мужчин. Те еще сопротивлялись, запоздало вспомнив, что приглашать положено сильному полу. То есть у них, в принципе, есть право не танцевать...

Так. Я, пожалуй, рискну!

И мне почти удалось дезертирство... Я легко пересекла зал с полупустыми столиками, нырнула под бордовую занавеску между ним и фойе ресторана... И... внезапно наткнулась на мужчину. Незнакомец скалой двинулся навстречу. Высокий, очень крупный, поджарый, лет тридцати пяти на вид. В черном

смокинге, галстук бабочке поверх белоснежной рубашки и маске с рожками. Светлые волосы незнакомца были собраны в хвост за спиной. Густые и пышные, любой женщине на зависть.

Эдакий Люцифер... Все при нем.

С минуту незнакомец просто преграждал мне дорогу, буравя ярко-зелеными глазами и почему-то придерживая за локоть. Уж слишком интимно и фамиллярно для незнакомого мужчины.

А я настолько опешила от подобного обращения, что так и не могла решить, как действовать дальше. Спросить, что ему нужно, с размаху наступить на ногу, чтобы растерялся и отпустил или попытаться вырваться самостоятельно. Что-то подсказывало – это мне все равно не светит. Наверное, мой бедный локоть, который в полной мере ощущал на себе силу руки незнакомца. Нет, больно мне не было.

Но какой же разумный человек выдергивает руку из металлических тисков?

Кажется, я слишком громко думала... И незнакомец ощутил мое искреннее недружелюбие...

Скулы Люцифера заходили ходуном, грудь начала вздыматься мехами, а упрямый подбородок выпятился еще сильнее.

А вот нечего вставать между мной и путем к бегству с корпоратива! Да еще и хватать так, словно имеет на это полное право. Тогда и обижаться не придется!

Незнакомец тряхнул головой, будто прочищал мозги, и произнес:

– Вам тоже не по душе такое количество народу?

Ну, положим не количество, а качество...

Я высвободила руку, потому, что хватка вдруг ослабела. Видимо, Люцифер вспомнил, что мой локоть мне еще пригодится. Осторожно отодвинулась и произнесла:

– Для начала принято здороваться. Ну так, хотя бы ради приличия. Кроме того, это совершенно не ваше дело.

Люцифер нахмурился, запыхтел, как самовар. И я ожидала града упреков, возмущений, в общем, яркого выражения недовольства. Но вместо этого незнакомец произнес:

– Потанцуем?

Я в шоке смотрела на его лицо, наполовину скрытое маской.

Шутит? Издевается? Слегка не в себе? Может, он пьяный?

Однако движения Люцифера были исполнены силы, уверенности и грации. Я бы даже сказала – какой-то внутренней мощи. Словно этот человек способен и танцевать безупречно, и драться так, что соперникам остается только сочувствовать. Алкоголем от незнакомца совершенно не пахло. Напротив, от него тянуло приятным, не сладким мужским одеколоном. Очень дорогим. Если я еще не окончательно потеряла нюх после бешеного коктейля из запахов парфюма всех видов и забористого пота. Есть случаи, когда дезодоранты не справляются. И корпоративы – как раз из их числа. Здесь даже самые дорогие и разрекламированные средства поднимают руки вверх и выбрасывают белый флаг. А вытяжка жалеет, что она не кондиционер и втягивает воздух, а не выбрасывает его.

Пока я раздумывала, Люцифер снова приблизился, взял за локоть и повел в зал. Я безропотно следовала за незнакомцем, почему-то не в силах ему сопротивляться. И не успела ойкнуть, как очутилась прижата к горячему, сильному мужскому телу и мы закружились в танце.

Остальные пары немедленно расступились. Потому что, как выяснилось, танцевал Люцифер не хуже Джеймса Бонда или того же Антонио Бандераса. Вел, как бог, прижимал словно имел на это полное право, неровно дышал в ухо и молчал, не сводя с меня сверкающего взгляда.

Вскоре мы двигались по совершенно пустому пространству, заняв почти треть танцплощадки, а остальные ютились «на галерке». Я почти летела, вспоминая

старые уроки танцев и наслаждалась тем, что нашелся хоть один партнер среди современных мужчин, который не отдавливает ноги.

Тем временем, Люцифер прижимал все сильнее, и тело его реагировало на меня очень по-мужски. Ну прямо ощутило.

Танец закончился, заиграла быстрая мелодия, и я думала – все, мы разойдемся. Коллеги и спонсоры на галерке начали опять дергаться как эпилептики. Но партнер и не думал меня отпускать. Он легко подстроился под новую музыку. Словно всю жизнь только и танцевал. Сильные руки прижали, а крепкое тело Люцифера все отчетливей напоминало о том, в чем разница между женщиной и мужчиной.

Однако незнакомец не проронил ни слова и отпускать меня, кажется, не собирался.

Мы играли роль королей танцпола почти до самого конца.

Переходили от вальса к танго, от ча-ча-ча к румбе. Иной раз партнер просто вел, а я подчинялась, даже не понимая – что же мы такое танцуем.

Время летело, и мы летели, не останавливаясь ни на миг.

Но затем включилась развеселая подборка Верки Сердючки.

Мужчина скривился, словно именно ему наступили на ногу и внезапно зорко огляделся – так оглядывается разведчик в стане врага. Тело Люцифера напряглось сильнее. Хотя то, что упиралось в меня во время танца, ствол называют только в фигуральном смысле слова.

И, как ни удивительно, мне было приятно, что мужчина так реагирует на нашу близость. Я ведь не соблазняла его, даже не флиртовала. А Люцифер так напрягся, словно я делала и то, и другое, и даже больше того... Например, разделась до шелковой нижней майки, как некоторые женщины в зале или задирали ноги в их стиле, ничуть не заботясь о том, насколько старое у меня нижнее белье.

Пока непонимающе озиралась, незнакомец подхватил под локоть, и мы очутились там, где и встретились – в фойе ресторана.

Я только моргала.

Что это было?

Нет, танцевали мы здорово. Я уже и забыла, что мужчина, партнер может так вести, что еще существуют такие мужчины и такие партнеры. Но сейчас стало как-то не по себе.

С минуту Люцифер смотрел, не моргая, сжимал мой локоть и подавался вперед. Будто хотел то ли поцеловать, а то ли схватить.

Подобные фамильярности с незнакомым человеком в мои планы совсем не входили. Я будто очнулась от сна. От волшебной грезы Золушки, которая танцевала с принцем на балу, пока тот не вышел из дворца и не превратился в крысу или тыкву – кому как понятней.

Люцифер попытался отдышаться, по скулам его прокатились шарики желваков.

– Вас подвезти? – спросил он с хрипотцой, продолжая гипнотизировать.

– Спасибо, я сама, – я вырвалась из лап странного незнакомца и убежала в сторону туалета, справедливо полагая, что в женскую уборную он уже не вломится.

Несколько минут я выжидала, пока в холле царила тишина. Люцифер не подавал признаков жизни. Я осторожно приоткрыла дверь и выглянула в щелку, в надежде, что мой странный партнер уже испарился. Также внезапно, как и появился.

Увы! Мужчина оставался на прежнем месте. Только теперь он оглядывался так, будто ожидал, что из воздуха появятся вражеские танки и примутся его расстреливать. Хм... Какой-то странный, нелюдимый субъект.

Я вдруг вспомнила, что Люцифера в общем зале во время праздника не было. Я абсолютно точно могла это сказать – память у меня репортерская, просто фотографическая.

В то же время я знала точно – попасть на мероприятие мог лишь приглашенный Артуром Наилевичем. Охранник у входа пропускал по билетам.

Конечно, я сама с удовольствием отказалась бы от счастья слушать наших свадебных генералов. Учредителей, меценатов, спонсоров, главных ньюсмейкеров и прочих. Всех тех, без которых наше издание не смогло бы писать такие чудесные рекламные статьи об этих совершенно бескорыстных людях.

Однако! Либо этот странный субъект все время торчал в парадном, либо приехал к танцам? Но все равно не вошел, пока я не наткнулась на него самым неожиданным образом.

А потом, внезапно у него возникло непреодолимое желание показать всем, кому не только на ухо, но и на обе ноги наступили медведи, как надо двигаться. И Люцифер это продемонстрировал, тут не поспоришь.

А вот теперь собирался также незаметно и быстро уйти, как и пришел. Так чего же он медлит?

Неужели меня караулит?

Нет уж! Я не выйду, пока этот незнакомец не покинет заведение!

Ни за что! Ни за какие коврижки!

Люцифер еще минут двадцать ждал, заметно теряя терпение. Он то принимался ходить взад вперед широким пружинистым шагом, то косился в сторону, куда я сбежала, а то вновь обводил совершенно свободное парадное взглядом «Штирлиц в засаде».

Наконец, незнакомец выдохнул, повел плечами и устремился к выходу.

Я выждала, пока за ним захлопнется дверь и выдохнула. Внезапно меня пробил хохот. Я вгляделась в свое отражение в зеркале. Привлекательная женщина, лет тридцати с копной каштановых волос и мелкими чертами, за исключением глаз – больших и миндалевидных.

Благодаря уникальной особенности – пониженной температуре тела и в результате – медленному обмену веществ – я старела почти в полтора раза медленней сверстниц. Страшно сказать сколько мне уже стукнуло. В особенности, учитывая, что два месяца назад мы отпраздновали шестнадцатилетие дочери! Однако мой организм, если верить врачам, все еще работал как у тридцатилетней. Вот примерно так я и выглядела.

Стройную фигурку, на мой взгляд портили слишком уж округлые бедра. Мужчинам нравилось, а мне совсем нет. Но куда ж деваться! После родов к ним добавилась и большая грудь – третьего размера.

Врачи уверяли, что она «сдуется», вот только закончу кормление. Но этого так и не случилось.

Видимо, мой организм не понял, что дочке уже шестнадцать. Все думал, что она грудничок и готовился к кормлению.

Я вновь усмехнулась, глядя на свое отражение.

Вот же! Когда в последний раз я пряталась от человека противоположного пола в женском туалете?

В школе, от мальчишек! Когда хулиганы пытались приставать, или еще что... И никогда позже.

Ну я даю-ю...

Но странный Люцифер, который даже не счел нужным представиться, вызывал у меня настолько противоречивые чувства, что совершенно не хотелось нарываться на новые уговоры подвезти. Мало ли куда он меня увезет...

Я понимала, что незнакомца явно пригласил редактор или учредители. Значит, вряд ли он примется творить тут черные дела. Но довериться Люциферу все равно не могла. Что-то в нем было такое... Неправильное, что ли. То ли надломленное, то ли напряженное... Помимо того, что упиралось в меня все время танцев.

Я даже определить не могла. С одной стороны – ну какой женщине не понравится, когда мужчина смотрит только на нее? Реагирует на нее так, словно не видел женщин уже лет пять? Танцует только с ней, не отпуская и не позволяя уйти!

Тут любая растает.

С другой – Люцифер казался таким непонятным, что хотелось бежать от него без оглядки.

Я вызвала такси и всю дорогу до дома не могла отделаться от мыслей о странном незнакомце.

То он виделся мне маньяком, то романтической натурой, то злом во плоти, а то загадочным обаятельным субъектом. А может всего понемногу?

Глава 1

Ярослав

Зачем Оленев согласился прийти на корпоратив издания «Каждый день»?

Ведь знал, что старая рана не зажила, и лучше просто отказаться. Снова, как и все прошлые разы.

Но Этель Яновна почему-то настояла. Тетя Ярослава и психотерапевт по совместительству никогда не давала плохих советов. Иногда Оленеву чудилось – она ведьма и знает куда больше обычного человека.

Этель Яновна нет-нет, да и выдавала такое, о чем ну просто не могла знать. Да что знать – даже догадываться! Ярослав привык. Но все равно каждый раз думал – неужели она ясновидящая? Колдунья? Телепатка?

Слишком уж хорошо читала всех вокруг эта сухощавая, остроносая женщина с неизменно аккуратной черной косой по пояс и взглядом, под которым врать просто не выходило. Не только у племянника – у всех вокруг. Даже водитель Ярослава под этим взглядом признался, что купался в хозяйском пруду, хотя Оленев и запретил.

Этель Яновна даже самолично нашла Ярославу костюм – что-то вроде наряда Мефистофеля.

И вот он стоял в парадном, слушая крики подвыпивших отдыхающих, музыку, звон посуды, вдыхая запах крепкого алкоголя, замешанный на ароматах жаркого и жульенов и жалел, что сюда приехал.

Знакомые неприятные ощущения нагнетались. Усиливались и давили на психику.

Как обычно. Все, как всегда.

На плечи словно каменная плита навалилась, все тело напряглось до предела. Так и мерещились вокруг враги. Упустишь момент, вовремя не заметишь – и остается лишь драться до последнего. Не обернешься вовремя – и выход один – уклоняться от атаки, нападать, убивать.

Оленев чувствовал себя солдатом на поле боя. Собранным, ожидающим подвоха в любую минуту, злым и взбудораженным.

Он уже легко управлял страхом, а вот дискомфортом – нет.

Оленев не испытывал приступа паники, как многие другие с фобией. Он выдавил из себя страх за собственную жизнь, занимаясь боевыми искусствами, тренируясь в стрельбе и боксе. Ярослав твердо знал, что любого сможет уложить на лопатки. Отряд омоновцев – и тот с ним сразу не справится.

Оленев почти ничего не боялся в этой жизни и уж точно – никого! Тем более, пьяных гуляк: журналистов, банкиров и бизнесменов.

Те еще вояки... Ткнул пальцем – и они уже на полу.

Но гнетущее ощущение, что вот-вот случится ненастье, и Оленева снова накроет бедой, какую он даже представить не в силах, так и не отпускало. Настигало всякий раз, когда Ярослав оказывался в обществе.

Разрасталось и превращалось в настоящую паранойю.

Оленев мог бороться, мог противостоять. Но зачем? Какой в этом смысл? Чтобы кучка незнакомых ему людей пополнилась еще одним?

Чтобы все думали, будто Ярослав Оленев – такой прямо душка-парень? Несмотря на миллионное состояние, загородную виллу, практически поместье и прочее, очень прост в общении?

Кто для него эти – «все», чтобы так ради них напрягаться? Ломать себя и бороться с собой.

Перед глазами опять вставала картина.

* * *

Знакомая гостиная, совмещенная с кухней. Арка, в которой болтаются на одной петле деревянные детские качельки. Подвесь на другую петлю – и можно качаться...

Высокая для ребенка барная стойка с царапиной посередине. Гудит вентиляция, забирая жар от плиты.

Серебристая, еще бабушкина большая сковорода, шипит и плюется маслом...

Пахнет оладьями: горячими, свежими. Тянет малиновым вареньем и сметаной. Мм... сладко и нежно.

Маленький Ярослав играет с мамой в догонялки. И та притворяется, специально бегаёт медленно, кругами, а потом – раз – и хватает мальчика. Начинает щекотать. И Ярослав хохочет, крутится, вырывается. Мама целует сынишку в затылок, даёт ему возможность освободиться, и мальчик бежит снова...

Внезапно входная дверь срывается с петель и падает вперед странным ковриком.

Трое в масках не здороваются, не мешкают – сразу стреляют. И мама закрывает Ярослава собой.

Мальчик ползёт, прячется за диваном, нащупывает укрытие в полу. Так... вот оно. Все, как тренировал отец. Щербатая доска паркета. Дрожащими руками Ярослав проделывает знакомый ритуал, доведенный до автоматизма. Приподнимает ковер, отщелкивает и толкает внутрь дверцу. Собирается звать маму... Но в просвет между диваном и полом виднеется её окровавленное безжизненное тело... И... хочется рыдать, орать, драться, кусаться...

Вместо этого, Ярослав прячется, как велел отец, пошагово выполняя его рекомендации и до хруста сжимая челюсти.

Над головой слышатся шаги, крики «Где этот щенок? Ищите, идиоты! Времени осталось совсем мало! Вам, что, жить надоело?».

Диван раз за разом обходят в тяжелых сапогах. Бум-бум-бум...

Сердце стучит в ушах, и кажется вот-вот выскочит наружу. Дышать тяжело. Крик так и рвется из горла.

Помогите! Господи! Помогите!

Кто-нибудь! На помощь! Скорее!

Паника накатывает разом. Наступает, давит и... подавляет волю. Ярослав пытается глотнуть воздуха, но шею словно стягивают петлей.

Мальчик дрожит, прижимается к лестнице, в изголовье которой свернулся калачиком. Трясется, дергается, беззвучно рыдает. Не понимает сколько прошло времени.

Лишь слышит, как шаги сменяет тишина. Глухая, опасная и ненасытная. Она пожирает все смертельным беззвучием... Так затих голос мамы, когда ее... застрелили...

Кажется – стоит вылезти, и тишина сожрет, не подавится. Проглотит мальчика с потрохами.

А потом снова раздаются шаги.

В светлом квадрате открытого люка в убежище возникает лицо отца. Отчаянное и взволнованное. Он хватает Ярослава, прижимает. Куда-то несет, что-то шепчет. Он плачет... Скупыми мужскими слезами...

Где-то на заднем плане маячат врачи, люди в погонах...

А Ярослав думает только об одном.

Мама... ее больше нет...

Нигде и никогда больше не будет мамы...

* * *

С тех пор Оленев и перестал появляться в обществе. Общался чаще всего по телефону, ватсапу и скайпу. Даже с подчиненными, управляющими его банками и мебельными фабриками.

Зачем себя насиловать, если всякий раз идешь на мероприятие, как на войну. Буквально. Чувствуешь себя разведчиком в стане врага. В каждом соседе видишь неприятеля, готового нанести удар под дых, на каждый шорох готовишься защищаться или атаковать.

Оленев ведь не воевать приходит – развлечься. И вот так вот потом развлекается.

И вот Артур Наилевич – редактор газеты «Каждый день», которую Ярослав спонсировал уже восемь лет, в рамках меценатства, настоял.

Да уж. Никогда не следует слушать упертых людей. Так еще мама говорила Ярославу. Упрямство – первый признак тупости – цитировал отец любимого героя из советского кинофильма.

Оленев боролся с собой несколько минут, пытаясь преодолеть ощущения. Но они только усиливались.

В какой-то момент Ярослав решил – да гори оно синим пламенем.

Пошло оно все... К черту их всех!

И собирался уйти. Когда навстречу выскочила женщина в костюме Летучей мыши.

Она почти налетела на Оленева и... тот забыл, что планировал сделать. Куда идти и вообще где он сейчас находится. Только смотрел, как незнакомка откидывает назад волосы, изучает его, то поводя плечом, а то приоткрывая чувственные губы.

Ярослав с наслаждением изучал ее лицо – кукольно-красивое, изысканное, породистое. А от взгляда на фигурку, ощутил сильнейшее возбуждение. Женщина была удивительно сложена. Пышная грудь переходила в поразительно тонкую талию, которая заканчивалась упругими, округлыми бедрами. При этом ноги у незнакомки оказались длинными, стройными, подтянутыми.

Что называется – от ушей. А глаза блестели удивлением...

Надо было что-то говорить, как-то знакомиться, представляться. Но Оленев вдруг ощутил себя полным дикарем, который и двух слов связать не в состоянии. И это он, который на переговорах любого затыкал за пояс! Мастерски лавировал в зубастом море акул финансовых рынков и мезозавров международных

корпораций.

Слова не складывались в предложения, вертелись в голове обрывками образов.

Словно Ярослав разом потерял способность нормально мыслить.

Зато эмоции бурлили и выплескивались.

Он держал незнакомку за руку крепко-крепко, чтобы та не сбежала. И не понимал, что же предпринять дальше.

А потом... вроде все случилось само собой...

Только на танцплощадке Оленев вдруг сообразил, что и не думает о людях вокруг. О том, что в такой толпе не был с шести лет. Со дня похорон мамы, которые наблюдал из отцовской машины. Ярослав забыл обо всем. Существовала только незнакомка и танец.

Страстный, неистовый и сближающий.

А еще... Оленев взял бы ее прямо тут, если бы ситуация позволила, настолько нарастало желание. Под конец оно стало болезненным. Одежда сжимала тисками. Но Ярослав продолжал двигаться, наплевав на свои психологические проблемы. Совершенно не понимая, как можно остановиться и отпустить незнакомку.

Но потом ди-джей все испортил. Включил эту ужасную музыку, и Оленев решил отвезти свою Летучую мышку домой. Познакомиться, а может и зайти дальше... Взял за локоть, вывел в парадную... И... не смог найти слов. Столько всего крутилось в голове! Сердце бухало, стучало в ушах, дыхание сбивалось. Сформулировать нужную фразу не получалось.

Ужасно хотелось поцеловать спутницу. Просто прижать, заставить подчиниться своей мужской силе и впиться в ее ротик губами. Терзать его, а потом... потом в машине сделать то, чего требовало тело.

Наконец, Ярославу удалось сложить нужную фразу.

Незнакомка удивилась. А потом... потом просто сбежала. Спряталась в женском туалете и не выходила.

Оленев ждал. Понимал, что Летучая мышка не хочет, чтобы он ее караулил. Как в школе, ей богу! Но почему-то продолжал стеречь незнакомку. Какое-то время он весь был сосредоточен на Летучей мыши и ее забавном убежище. Но затем фобия опять начала поднимать уродливую голову.

За бархатным занавесом, что разделял парадное ресторана и общий зал, слышались крики, топот танцующих журналистов, звон посуды...

И дискомфорт вернулся, охватил, утраивался. Оленев стиснул зубы и продолжал дежурить, чтобы поймать незнакомку. Но в какой-то момент понял, что она не выйдет. Не покажется, пока Ярослав не покинет пост. И вот тогда паранойя взяла верх. Нахлынула, охватила и Оленев ретировался.

Всю дорогу до своей загородной резиденции Ярослав думал только о ней. О Летучей мыши. Вспоминал каждое ее движение, каждую деталь образа. Родину на шее, маленький шрам на руке, между указательным пальцем и средним. Наверное, порезалась, когда готовила.

Легкую асимметрию губ незнакомки – правый уголок их казался чуть выше левого. Ее одухотворенное лицо, когда пара скользила в танце. И желание не отступало.

Ладно, приедет и примет холодный душ. А завтра... Завтра поговорит с Артуром Наилевичем. Мероприятие было закрытым, камерным. И редактор, который лично утверждал список гостей, должен знать – что это за Летучая мышь. Как ее зовут, замужем ли...

А пока надо пообщаться с Этель Яновной. Она обещала дожидаться Оленева с вечеринки.

И обсудить случившееся.

Ведьма, как есть ведьма!

Тетя ждала на первом этаже внушительного особняка Оленева, в просторной гостиной. Разместилась за большим круглым дубовым столом – практически антикварным – и смотрела внимательно, с прищуром.

Она будто читала на лице племянника всю гамму эмоций, что тот пережил рядом с Летучей мышью.

– Выпьем чайку перед сном? – предложила тетя, направляясь к водонагревателю.

Оленев кивнул.

– Только переоденусь.

– Смотрю тебе есть чем поделиться?

– Так. Самую малость.

– Я вижу, насколько «так, самую малость». Ты даже маску забыл снять...

И правда! Вот же засада!

Оленев стянул с лица маску и покачал головой. Надо же! Так увлекся незнакомкой, что обо всем забыл! Все на свете стало неважным. Так и ехал в машине полтора часа в маске!

Как придурок.

Тетя усмехнулась, а Оленев направился в свою спальню.

Ярослав всегда любил простор, поэтому много мебели не держал. Большая двуспальная дубовая кровать, тумбочки по сторонам, словно он рассчитывал, что когда-нибудь здесь останется женщина. Шкаф-купе на всю стену. Плюс пара стульев – и все.

Оленев сбросил одежду в емкость для грязного белья, чтобы домработница выстирала. Накинул домашние спортивные брюки с футболкой и заглянул в рабочую комнату. Единственное помещение в доме, где количество мебели, по меркам Ярослава, было ну просто рекордным. Все стены тут закрывали стеллажи. В центре располагался рабочий стол, с двумя встроенными полками. Несколько кресел будто предполагали, что когда-нибудь хозяин пригласит сюда больше двух человек... Вообще кого-то пригласит сюда.

Компьютер включился тут же, вместе с остальными тремя, в общей сети. Оленев внимательно пролистал страницы, почту, чаты...

Мало ли? Кто-то звонил, отправил срочные письма... В общем, вдруг Ярослав понадобился для дела?

Ничего важного.

Можно расслабиться и поговорить с Этель Яновной.

Она ждала в гостиной с двумя чашками кофе и черничными маффинами, как оба любили. Семейные посиделки двух одиноких людей, которым очень хорошо и комфортно вместе.

Про Оленева ходили разные сплетни. Вплоть до того, что он и Этель Яновна делят постель. Кто-то даже шушукался за спиной: мол, он любит женщин постарше.

Но, на самом деле, тетя заменила Оленеву мать, а потом и психотерапевта. Она, действительно, имела нужное образование, плюс к диплому психиатра. И с самого начала очень помогла убитому горем мальчику перевести страх, ужас и панику в реакцию защиты.

Это позволяло Оленеву чувствовать себя мужчиной. Сильным, волевым, способным, при необходимости, появляться в обществе, пусть даже испытывая сильный дискомфорт. А не беспомощным ребенком, каким он ощущал себя тогда, очень давно...

В свои шестьдесят два Этель Яновна выглядела лет на пятьдесят максимум. Зеленые глаза, как у Ярослава и его мамы, смотрели в упор.

Оленев сел под этим пристальным взглядом, готовый выложить все начистоту, и тетя спросила:

- Ну что? Ведь не зря ходил?

- Ты колдунья? - уточнил Оленев, глотнув крепкого чая.

Тетя откусила маффин и вместо ответа констатировала:

- Ну не зря же я заранее предвидела, что твой отец, после развала его отдела в КГБ, сбежит... за границу. Лучше бы раньше уволился. Чем гоняться за той бандой, что убила твою мать... Но разве воинственные правдолюбцы слушают голос разума? Их хлебом не корми... дай поймать плохишей... Даже если это ставит под удар самых близких... Ну да ладно. Дела прошлые. После драки кулаками не машут. Так вот если помнишь, именно я за год до триумфального побега твоего отца к буржуйам, убедила его оформить на тебя все имущество. И сама сюда переехала. А сейчас у тебя вид человека, который до сих пор находится в эйфории от какой-то встречи. И я поставлю весь отмеренный мне еще срок жизни на то, что ты встретил женщину, которая поразила и отвлекла от твоего... ммм боевого настроения в обществе.

Ярослав только кивнул.

- Вы познакомились?

- Она сбежала, - не впопад ответил Оленев.

- Рассказывай! - тетя подперла подбородок ладонью.

Ярослав выложил все, включая реакцию своего мужского организма на незнакомку. Этель Яновна довольно улыбнулась.

- Ну что ж... Дикарь становится другим...

Дикарем она прозвала племянника с подросткового возраста. Когда тот стал дичиться людей, но научился их не бояться. Ожидать подвоха и готовиться к бою.

- Почему не познакомился?

- Не нашел слов. В голове все перепуталось. Попытка сообразить и не вышло. Пока танцевали все хотел сказать что-нибудь такое... Ну приятное что ли... Хорошее... Но ничего не пришло в голову.

- Вот как тебя переключило! - Этель Яновна хихикнула. - Ну что ж... Тебе нужно с ней встретиться. Причем на твоей территории. Ты должен показать ей, кто ты и что имеешь.

- Я не хочу, чтобы она покупалась на внешний лоск.

- Дурачок! - тетя смачно откусила маффин. - Для мужчины статус женщины - это ее красота, ее эффектный вид, ее фертильность. Способность к деторождению. Для женщины статус мужчины - его физическая форма и то, чего он добился. То есть деньги и имущество. Это не попытка купить. Ты как бы говоришь, что способен ее содержать. Способен обеспечить ее детей всем, чем она только пожелает.

- А ты не слишком далеко заглядываешь? Дети, содержание...

- Твои Люськи уже в прошлом. Сейчас ты встретил женщину, которая победила твою фобию. А значит, она глубоко тебя зацепила. Ты увлекся ей настолько, что враги вокруг показались неважными, незначительными, по сравнению с вашим танцем. С вашим общением и единением. Что из этого выйдет, мы, конечно не знаем. Но произвести нужное впечатление следует.

«Люськами» Этель Яновна называла девиц: моделей, актрис и прочих, которых Оленев приглашал для интима. Хорошо выгуливал в ресторане, снимая весь зал на двоих, от чего у женщин челюсти отпадали. А потом хорошо имел в постели. Разумеется, предварительно посылал в свою клинику на обследование. Внезапностей в виде половых инфекций Оленеву совсем не хотелось. Да и многие знакомые ему бизнесмены поступали в точности также. Хотя бы и тот же Радиф Заглятдинов, до того, как встретил свою нынешнюю жену и остепенился.

Люськи никогда не оставались на ночь в особняке Ярослава. Виталий – его бессменный шофер вот уже много лет – исправно развозил их по домам, сразу после любовных утех. Ну пусть не сразу – после хорошего душа и, при желании, перекуса.

Оленев допил чай и согласился:

– Я с ней тут встречусь. Есть идея.

– Вот и хорошо!

Ярослав внутренне порадовался, что его планы совпали с советами тети.

Во всяком случае, для Оленева все так и выглядело.

Блицкриг по завоеванию Летучей мыши сложился в голове и очень ему понравился. В конце концов, она такая же женщина, как и все предыдущие любовницы Оленева. Вряд ли существуют особенные отличия. Так что... все прежние приемы должны сработать.

Плюс следует устроить проверочку. Кто знает, возможно, Летучая мышь узнала Оленева и намеренно так вела себя. Соблазняла, окучивала, как еще иногда выражаются. Флиртовала и танцевала, будто заинтересована в партнере.

Правда, ее последующий побег не вязался с этой гипотезой. Но и ему, при желании можно было найти объяснение. Может, Летучая мышь решила заинтриговать. Нарочно убежала, чтобы искал и ждал.

Нечто в стиле Золушки. Только туфельку не сбросила...

Конечно, широко фотки Оленева в интернете не мелькают. Но, при желании, найти можно все. Если точно знать, что искать и как. Ярослав изредка светился на дежурных мероприятиях в своих банках. Стоял в толпе служащих и на передний план не вылезал. Однако где-то, возможно, его даже подписали по имени и фамилии. Все-таки владелец предприятия.

Опять же, Артур Наилевич мог инструктировать сотрудников с его-то манией все контролировать.

Оленев сам не мог понять, в какой момент эйфория от близости незнакомки, радость от танца с ней превратились в паранойю. Вероятно, сказалась его замкнутость и заикленность на своих проблемах.

Впрочем, Ярослав – мужчина, о котором только могла мечтать женщина. Небольшой тест и, если Летучая мышь честная, как ему показалось в их первую встречу, Ярослав все ей компенсирует. Включая моральные неудобства. Деньгами и вниманием!

Таким уровнем жизни, что незнакомка сможет взирать на прежних коллег и друзей будто с Эвереста.

Оленев ни минуты не сомневался, что она поймет: оно того стоило. Он слышал, что главным критерием набора сотрудников в газету Артура Наилевича был высокий интеллект.

Редактор «Каждого дня» любил говорить: «Баба она и есть баба. Даже, если предпочитает термин «женщина». Стервозность – второе имя, психозность – постоянное состояние нервной системы. Желание найти богатого, щедрого и любящего мужика – жизненное кредо. Только держи уши остро. Единственное, чего нельзя терпеть в женщинах – это глупость. В противном случае, это уже не женщина – резиновая кукла для удовлетворения. А куклу можно купить настоящую. Эта хоть не зудит над ухом, чтобы приходил домой вовремя, не изменял и за ребенком временами приглядывал. Помыл, поддул где надо – и поставил в угол. С умной женщиной интересно поговорить. Пусть даже она несет глупости о том, что мужчина должен хранить верность и воспитывать детей...»

– Кстати. Ты хоть понял, какая уникальная женщина тебе досталась? – ворвался в мысли Оленева голос Этель Яновны.

Он вскинул глаза на тетю:

– О чем это ты?

– У нее уникальная особенность. Температура тела не как у обычных людей 36,6, а 36,0. Как у той гадалки, ну жены Радифа Заглятдинова. Владельца модных ресторанов и фирмы, которая организует костюмированные фэнтези-праздники. Как там ее?

– Элина.

– Вот! Эти женщины стареют вдвое медленней обычного. Вон Элина своему под 45 двух крепышей родила. И твоя красавица еще долго сможет рожать здоровых детишек.

Оленев вскинул брови. Про жену Радифа Заглятдинова он слышал, тем более, что та работала гадалкой и весьма успешно. Умудрялась совмещать это дело с материнством и вроде как все успевала.

– А ты знаешь, какая у таких женщин кожа? Гладкая, глянцевая, упругая. Без единого волоса.

Ярослав сглотнул. Вспомнилась Летучая мышь, даже в жар бросило. Поправлять брюки при тете не хотелось. Поэтому он постарался сменить позу, чтобы одежда не так стесняла.

Воображение понеслось вскачь... Как назло...

Летучая мышь в фойе ресторана. Прижатая к стенке. Ноги обхватили бедра Ярослава...

Оленев чуть не спустил в штаны от этих фантазий и снова поправился.

А Этель Яновна улыбнулась и вышла из комнаты. Будто все понимала и оставляла племянника наедине с его эротическими фантазиями и желаниями...

Будто не хотела стеснять.

И уже запоздало, когда тетя скрылась из виду, Ярослав подумал. Он ведь даже еще не знает личности незнакомки, не успел выяснить! А Этель Яновна уже в курсе – какие у этой Летучей мышки особенности...

Что еще она знает? Откуда? Оленев понимал, что тетя все равно не признается. Она никогда не признавалась. Скажет нечто такое, что просто не могла знать – и уходит. На вопросы только улыбается и разговор в сторону уводит.

И так всегда...

Конечно, осведомленности тети можно найти и логическое объяснение. Например, Летучую мышь видел Виталий, который ожидал Оленева у дверей ресторана... Однако вряд ли водитель на глаз определял температуру женщин.

Впрочем... Этель Яновна могла сделать вывод по косвенным признакам, известным лишь медикам... Виталий, наверняка, описал тете незнакомку, с которой Оленев зашел на корпоратив и вернулся. Очень даже подробно описал, со всеми деталями... Водитель выполнял и роль телохранителя Ярослава. И, конечно же, даму, с которой начальник покинул мероприятие оценил от и до. Мало ли, что это за женщина? Мало ли, что ей нужно от Оленева?

Пока Ярослав ждал Летучую мышь из уборной, водитель вполне мог послать Этель Яновне смс или сообщение по ватсапу...

Глава 2

Олена

Лиса спала, мирно уткнувшись носом в подушку. Как маленькая. Волосы разметаны, на щеке след от пододеяльника, видимо, только, что перевернулась. Я подоткнула одеяло и отправилась на кухню, пить чай.

Странный незнакомец не выходил из головы.

Может потому, что я давно не встречалась с мужчинами? Сторонилась их после развода. Вернее, после того как мы с мужем разъехались.

После рождения дочки в семье что-то сломалось. Мы пытались склеить разбитую чашку на курортах, в доме отдыха и – контрольным выстрелом – у психолога.

Помню, когда тот нас выслушал, первое, что сказал: Мгу-у-у... Было ясно – у человека нет слов, одни чувства. Второе, что сказала эта солидная дама с романтически завитыми локонами: Ну-у-у...

И все-таки ее сеансы помогли нам... на какое-то время...

Но потом клей высох, и чашка развалилась окончательно. Мы развелись легко и быстро, потому, что никто ни на что не претендовал. А Лиса категорически требовала, чтобы ее оставили жить с мамой. Так что ребенка делить нам не пришлось.

Муж уехал к родителям. Ну какой же русский мужчина после развода не прибежит к маме под юбку, если жилье принадлежит жене?

А дом был моим. Я продала свою квартиру и мамину, которую получила в наследство. И вот мы с Лисой – так коротко я называла свою Василису, поселились в небольшом одноэтажном коттеджике. Всего-навсего на 120 квадратных метров. Нам хватало. Лисе я выделила отдельную комнату, а сама ночевала в нашем «рабочем кабинете». Квадратном помещении, с двумя столами – для меня и дочки – и двумя же компьютерами.

Кровать-шкаф, которую мы днем складывали, обошлась дорого, зато прекрасно сэкономила место.

Дочке я приобрела личную, большую постель с пышным матрасом.

Кухня, совмещенная с гостиной, была не до конца обставлена – не хватало ни денег, ни времени.

Ободранный уголок, старый деревянный стол с отбитыми местами верхним покрытием. Несколько стульев и диван, которому, наверное, уже лет двадцать стукнуло – еще от мамы привезла. Вот и все добро.

Зато готовили мы здесь в свое удовольствие. На плите с электроподжигом, в духовке, которой нужно лишь задать режим, и следить уже не потребуется. Добавим к этому электрочайник, кофеварку и соковыжималку. Вот и все, что нужно двум женщинам для нормальной жизни.

Муж еще какое-то время настаивал на свиданиях с дочкой, и та, пока была маленькой, соглашалась. Но потом резко пошла в отказку. Почему, я и понятия не имела. Однако считала, что Лиса имеет право встречаться с отцом, если захочет. Но заставлять ее это делать никто не имеет права.

Муж еще с год регулярно названивал, требовал дочку, и я звала ее к телефону... Но потом окончательно осознал, что ничего у них уже не сладится.

Я налила себя чаю и, оставив приглушенный свет, включила телевизор на стене. Новости, как обычно, сообщали о колебаниях: курса валют, погоды и политических курсов. Ничего нового. Это планета Земля. На ней вечно кто-то кого-то убивает, и кто-то с кем-то сотрудничает. Началось еще с тираннозавров и раптеров.

Первые убивали, а вторые работали стаями. Правда, тоже с целью убить побольше вкусной добычи. Но кто считает?

Лето всегда приходит неожиданно, но каждый июнь. А уж зима – и вовсе имеет свойства подкрадываться незаметно – ровно в декабре...

Мужчина с зелеными глазами так и маячил в памяти, как я ни гнала его образ. Почему я отказалась от предложения подвезти до дома? Сбежала? Я и сама не могла объяснить. Незнакомец выглядел таким странным... Да и вел себя так, словно вокруг – враги и он каждую минуту готов обороняться.

Все это отталкивало. Но и притягивало меня Люцифер тоже. Своей загадочностью, харизмой. Как ни крути он – мужчина видный, красивый. Тайна маски опять же интриговала. Да и чего греха таить, мне было безумно приятно, что незнакомец танцевал со мной весь вечер и ни на одну другую женщину даже мельком не взглянул. Словно существовала лишь я. Еда, выпивка, извивающиеся в танце уже полуголые коллеги, его совсем не волновали.

Ну как тут не заинтересоваться?

Я допила чай и отправилась спать.

Ладно. Сбежала и сбежала. Скорее всего, мы больше не увидимся. Так, что нет смысла дальше думать о Люцифере.

Вот только почему я все равно о нем думала?

* * *

Утро для меня всегда начиналось рано. Мы с Лисой с удовольствием занимались йогой в гостиной... Наслаждаясь каждой позой и компанией, под замечательную музыку с перезвоном колокольчиков.

Это придавало нам сил на весь следующий день.

Потом я приготовила дочке завтрак и отправила в школу.

Пока крутилась-вертелась мысли о вчерашнем Люцифере почти отпустили. Но стоило остаться в доме наедине с чашкой чая и недопитым Лисой кофе, как вчерашний мужчина опять всплыл в памяти.

Я постаралась сосредоточиться на работе.

С некоторых пор внештатные журналисты могли посещать планерки тоже внештатно – по скайпу. Редактор включал свой, и мы слышали все, что требовалось. А остальное игнорировали. У подобного посещения сего мероприятия существовала масса плюсов. Во-первых, не приходилось поддакивать, когда коллег тыкали в их ошибки, словно щенков в лужи. Неприятно, но приходилось все это выслушивать. А уж поддерживать подобное обращение со стороны руководства я просто не могла. А тут – нет ничего проще! Спрятался под стол, а потом сказал, что потерял ручку – и дело в шляпе.

Во-вторых, не требовалось громко смеяться, когда Артур Наилевич «сражал» всех своими неподражаемыми остротами. Сослался на то, что связь плохая и звук нашего хохота просто не долетает в полном объеме – и вся недолга.

Однако сегодня планерка завершилась самым, что ни на есть, неожиданным для меня образом.

После стандартного распределения заданий и предложений тем от журналистов, Артур Наилевич вдруг объявил:

– Олена Шамилевна, жду тебя сегодня в час дня. Необходимо с глазу на глаз обсудить эксклюзивное задание. Редакционная машина отвезет тебя в поместье Оленева. Как я называю его владения. Ты должна прибыть на место к полтретьему.

«Зрители» в просторном кабинете начальника, на полукруге частокола из стульев, замерли от удивления. Тишина пробралась ко мне даже сквозь интернет.

– Кхм... Давно собирался сделать эксклюзивное интервью с одним из самых закрытых мебельных магнатов – Ярославом Оленевым, – окончательно нокаутировал общественность любимый редактор.

Теперь тишина прямо звенела в ушах. Да. Этого человека, в самом деле, окружал такой ореол таинственности, что впору ослепнуть.

Желтая пресса чего только о нем не писала. Что Оленьев не женат потому, что спит со своей тетей, которая ему в матери годится. Якобы, даже есть снимки, подтверждающие этот факт. Однако на поверку заинтересованным зрителям предоставлялись лишь размытые фотографии как двое обнимаются.

Еще говорили, будто Оленьев боится людей и прячется под стол, если в его рабочий кабинет заходят больше двух человек.

Он не появлялся на светских раутах, не посещал парадные мероприятия даже в банках, которыми владел, и казался совершенно закрытой личностью. Любой журналист нашей страны, не только города, душу бы продал за подобное интервью. Личный, эксклюзивный разговор с самим Оленевым!

У многих перехватило дыхание.

– Эм... Простите, а почему именно Олена должна делать столь важный и сенсационный материал? – нарушила тишину Надежда Чингисханова. Полная крашенная блондинка с крупными чертами лица. Могла быть вполне приятной на вид, если бы не одевалась, будто ей снова двадцать. На самом деле, Надежде Владленовне стукнуло пятьдесят. Меня она ненавидела с тех пор, как узнала сколько мне лет. Ну а после пары очень удачных статей, окончательно утвердилась в этом своем чувстве. И делала все возможное, чтобы моя жизнь в редакции была скорее бочкой дегтя с ложкой меда, нежели наоборот.

– Да! Вообще-то обычно я делаю интервью с интересными персонами, – подала голос Галя – дочка еще одной нашей звезды – Валерии Константиновны Ставритской. Писала она из рук вон плохо, с двумя мужьями развелась после месяца брака, но считала себя королевой. Внешне Галя очень походила на мать: симпатичная, белокурая, кровь с молоком. Одевалась соответствующе: в яркие платья с пышными юбками и часто – рукавами фонариками.

– Вообще-то, Оленева можно считать культурным событием! – взвилась Надежда Владленовна. – Поэтому именно я должна ехать к нему на интервью. Между прочим, я даже вопросы заготовила.

– А он не хочет заодно прорекламирывать свои банки или предприятия в нашей газете? – подала голос Надя – руководитель отдела рекламы. Женщина с очень тонкой талией, крутыми бедрами и копной курчавых черных волос. Надя почти никогда ничего не делала. Зато стоило журналисту встретиться с кем-то из бизнесменов или владельцев предприятий, как она тут же, словно рыба прилипала, присасывалась.

– А я готова помочь дочке сделать достойное интервью! – вмешалась Ставритская. Очень полная женщина, как обычно одетая в балахон и мешковатые штаны. Гроза всех молодых журналистов нашей редакции. Ставритская была по-настоящему талантливым репортером, но другим способным журналистам дорогу перекрывала как бурелом путешественникам. Потому, что везде пропихивала Галю. К сожалению, в плане журналистики на дочке Валерии Константиновны природа отдохнула. И сколько бы потенциально бомбических материалов не «выбивала из рук других репортеров» Ставритская и не отдавала Гале, той ни разу не удавалось сделать достойный материал. Мне иной раз становилось даже жаль эту неустроенную по жизни женщину. Ни личной жизни, ни профессии. А ведь у младшей Ставритской были неплохие способности к языкам! Но мать упорно тянула ее в журналистику, считая, что

там «все схвачено».

– Получится два журналиста на одну тему! – поддакнула маме Галя.

– Я бы не сказала, что это ваш профиль, – вмешалась, поправив очки Надежда Владленовна. – Оленев – это культурное явление...

– И чем же? – уточнила Ставрительская. В большинстве случаев, особенно когда молодые талантливые журналисты обходили их на поворотах, эти две фурии выступали заодно. Но в таких ситуациях пикировались почище многих. Причем, это не мешало им затем снова скооперироваться, если требовалось «уесть кого-то из выскочек». За глаза их называли «работницы пера и топора». Намекая, что собачатся дамочки куда лучше, чем живописуют словом.

Пока Чингисханова думала, как бы ответить на резонный вопрос Ставрительской, вступилась Галя.

Если бы слова стали вдруг шпагами, наверное, мы наблюдали бы самую зверскую дуэль всех времен и народов. Мушкетеры, глядя на такое, скорее всего, спрятались бы в сторонке, забыв, что это порочит их дворянскую честь...

А после пришлось бы вызывать скорую, чтобы поединщиц откачивали...

...Артур Наилевич подождал, пока женщины закончат словесные бои без правил за мой материал. До мата, они, конечно же, не доходили. Журналисты – люди интеллигентные и словарный запас у большинства огромный. Так, что никакой ненормативной лексики не требуется, дабы приложить друг друга словом. Типа «Надежда Владленовна у нас такой большой специалист по культуре споров без правил, что это сразу заметно»... или «Да уж... Два журналиста в случае Гали – самое то. Потому, что в одиночку она может написать только о том, как летом катаются на лыжах в сосновом бору. Мы все помним этот знаменитый перл»...

Когда аргументы оказались исчерпаны и женщины начали сражаться огненными взглядами, способными спалить не один гектар леса, редактор всех урезонил.

Видимо, опасался, что нам не хватит огнетушителей. Артур Наилевич всегда славился своей рачительностью.

– Оленев согласился разговаривать только с Харитуллиной. Это было его первым и единственным условием для интервью. Сказал, что любой другой журналист может не приезжать. Даже я.

В кабинете опять воцарилась тишина. Лица Гали и Чингисхановой ясно показывали, что они хотят со мной сделать и что сотворили бы в коридорах редакции, работай я в офисе.

Тут уже не дуэль представлялась и не бои без правил – танковая дивизия, которая проезжает по Харитуллиной. И контрольным выстрелом – Ставритская дает залп из всех пушек.

Дальнейшие пререкания и причитания Надежды Владленовны о том, что она – старейший сотрудник редакции, заслуженный и знаменитый, бряцанье журналистскими премиями и сверкание грамотами, я решила пропустить.

– Хорошо, Артур Наилевич. Но так как сейчас уже почти двенадцать, я думаю нет смысла тратить время на поездку. Я готова обсудить с вами все по скайпу, когда закончится планерка. Потому, что ведь задание такое важное и сенсационное... Я, наверное, прямо сейчас и начну готовиться...

Это слово очень любили в нашей редакции. Почти как слово «зарплата» и «премия». И даже чуть больше, чем фразу «можете не ездить на этот брифинг, он нам не интересен».

– Я должна придумать вопросы, собраться, наконец. К тому же дорога к владениям Оленева может занять больше часа. А машину вы сможете прислать за мной домой? А?

– Хорошо. Я свяжусь с вами через полчаса.

Фу-уф... Слава богу, не придется разговаривать с нашими фуриями. Любая редакция – тот еще серпентарий. За хороший интересный материал журналисты грызутся почище чем львы за прайды. И ничего уже тут не попишешь. Как говорится – закон природы. Раньше выживал тот, кто отбивал у соперника почки. Теперь – тот, кто отбивал у коллеги лучшие темы.

Я не сомневалась – если Оленев лично попросил выслать меня, как журналиста, Артур Наилевич наступит на горло своей любви к старым сотрудникам, вроде Ставритской и Чингисхановой. А если этого окажется недостаточно – не моргнув глазом наступит и на горло им самим ради сенсации.

Редактор – гуманист тот еще. И его асфальтовый каток язвительных замечаний, что ежедневно проезжался по нашим материалам – тому веское доказательство. Я редко попадалась на «зубок» Артура Наилевича и очень сочувствовала остальным. Тем, кого редактор любил по классике – очень странную любовью. Однако единственное, чем я могла им помочь – не смеяться над колкостями начальника и прерывать его долгие словесные излияния вопросом по делу. Если таковой находился.

Прямое интервью с Оленевым еще никто не делал. Вообще. Никогда. Ни в каком виде и форме.

Максимум, чего от него добивались мои коллеги – это пара коротких фраз для комментария. Да и то не лично, а через какого-нибудь управленца мебельных предприятий миллионера или банков.

Сам загадочный бизнесмен, по слухам живущий среди диких животных, и даже способный с ними общаться, упорно сторонился нашей братии. Отчасти я понимала Оленева.

Журналисты часто считали подобных ему – добычей. И во время охоты ничем не брезговали. Ни силками скрытых камер, ни капканами случайных разговоров, записанных на диктофон, спрятанный в сумочке. Да и подавали некоторые коллеги информацию с большой фантазией. словно не интервью писали – фантастический роман с элементами ироничного детектива и триллера.

И тем поразительней казался тот факт, что Оленев вдруг решил не просто высказаться по телефону, не просто дать пару комментариев по электронной почте! Но организовал целое интервью. Да еще и не в редакции, не где-нибудь в кафе или ресторане – у себя дома. То есть я могу даже сфотографировать, как живет загадочный миллионер.

Хм... Выглядело так, словно меня отправляли на интервью к Черному Властелину из фэнтези. Никто его никогда не видел. Все о нем слышали и самое разное. Но

больше, естественно плохого. Это пресса и интернет, детка! Если о тебе хорошо написали, значит ты нашел собственный некролог. Все мечтали бы с ним пересечься, но выбор пал на меня.

Почему? Вот даже любопытно!

Чем я так ему приглянулась?

Я и интервью с великосветскими персонами делала крайне редко. Больше специализировалась на репортажах и проблемных статьях.

Но кто ж их знает, этих богатых. У них же свои причуды...

Рассуждая, таким образом, я набросала несколько вопросов и приняла звонок от редактора.

– В общем, так, Олена. Даю тебе закрытую информацию. Никому ничего не передавай. Оленев живет в загородном доме, окруженном почти нетронутым лесом. Когда-то тот коттеджный поселок построили на практически заповедной территории. По заказу... Ну в общем неважно по чьему заказу. Хотя речь идет о самых верхах КГБ. Оленев у нас любит природу. Ездит по своим угольям на электровелосипеде, вакцинирует животных и чистит озеро. Об этом можно отдельно поспрашивать.

Ярославу Всеславовичу Оленеву в этом году исполнилось 36 лет, но выглядит он моложе, и вообще, в отличной форме. В доме есть спортзал, бассейн, сауна. Температура воды и воздуха в бассейне регулируется. Оленев сказал, что ты можешь им воспользоваться, так что захвати купальник. Дальше. Оленев не женат и женат не был. Но не думаю, что эту тему стоит затрагивать. Посмотри – какова обстановка. Готов ли он, в принципе, общаться на личные темы... Если заметишь, что не готов, даже не заикайся...

Эк Артура Наилевича приперло! Такие рекомендации дает, как будто отправляет к президенту, не меньше. Или к главе ООН. А ведь всего-то еду брать интервью у богатея. Который, к тому же, сколотил состояние на деньгах КГБ, как говорят слухи. Вроде, как отец Оленева там каким-то отделом заведовал. А после распада СССР сбежал за границу, прихватив спецзапас денег на экстренные случаи. Конечно, все это из разряда ОБС – однозначно бредовые слухи. Да и

источники те же, что утверждали, будто у Оленева роман с его тетей. Инцест с пожилой дамой.

Мне больше верилось в то, что столь замкнутый человек, как Ярослав Всеславович просто нашел родственную душу. Надо же с кем-то делиться, общаться на откровенные темы, ничего не скрывая и не опасаясь?

Но все равно. Он не звезда, не ученый с мировым именем и не писатель, сделавший вклад в искусство. Всего лишь удачливый бизнесмен и не более.

А редактора прямо понесло. Он так даже в статьях мыслью по древу не растекался.

– Еще имей в виду. Почему Оленев ни разу не женился, никто не знает. Но женским вниманием он не обделен. К нему почти каждый день приезжают модели, актрисы и прочие. Молодые и красивые, естественно. При этом Оленев всех вначале проводит через свою личную клинику, проверяет на все все все.

Ну да! Чтобы не заразили!

Портрет вырисовывался у меня так себе.

Богатый, развращенный, замкнутый. Явно таит в себе какие-то внутренние проблемы и установки. К женщинам относится, как к товару. Купил, проверил качество, попользовался – и выбросил. Единственный плюс – теплые отношения с тетей. Деньги меня в этом плане не особо привлекали.

– Я его приглашал на наш корпоратив. Но он, вроде, так и не появился...

А вот тут я понимаю Оленева. Сама бы не пришла, если бы не приказ. Оленеву Артур Наилевич приказывать не может...

– Короче. Веди себя корректно и осторожно. Нам не нужны ответы на острые или пикантные вопросы. Если получишь – здорово. Нет, мы и так имеем суперэсклюзив и всех за пояс заткнем. Поэтому твоя задача наладить контакт с ньюсмейкером, угодить ему статьей, чтобы согласовал – и все. Повторюсь! Если удастся вывести его на интересные, острые или личные темы – здорово! Если

заметишь, что он не расположен, даже не пробуй!

Артур Наилевич боится Оленева, что ли?

Впрочем, я так понимаю, этот спонсор – один из самых крупных. Естественно, редактор не хочет потерять его. Да и материал, правда, бомба. Даже без откровений Оленева по поводу женщин, тети и происхождения его миллионов.

Артур Наилевич выдал мне еще несколько инструкций. Уточнил:

– Все поняла?

Я бодро кивнула.

– Собирайся. Машина приедет через пятнадцать минут.

Я взглянула на часы.

Да-а-а! Редактор так счастлив от предстоящего эксклюзива, что часов явно не наблюдает. Уже пол второго. Пойду собираться. Надеюсь, за сорок минут доберемся до владений Оленева. Не хочется опаздывать только потому, что слушала наставления любимого главреда.

Я выбрала белую блузку стрейч и темные льняные брючки. Поверх накинула легкую серую кофточку и повертелась перед зеркалом. Кажется, вполне то, что нужно.

Я отправляюсь за город, практически в лес, если верить рассказам редактора о владениях Оленева. Следовательно, деловой костюм не совсем уместен. А вдруг загадочный миллионер захочет похвастаться своими угодами, прогуляться со мной к озеру?

Но и наряжаться слишком уж спортивно тоже не хотелось. Все же встреча, интервью.

Немного подумав, я собрала пышные каштановые волосы в высокий хвост.

Водитель уже ждал возле забора. Я снова проверила – все ли взяла.

Так. Диктофон у меня в сотовом. На всякий случай, второй в сумочке, блокнот тут же. Фотоаппарат взяла. Вопросы закинула себе в записную книжку на телефоне и продублировала в блокноте. Вроде все хорошо. Будем надеяться, ничего не забыла. Даже голову не потеряла дома от радости, что сделаю такой материал.

Если бы за каждое слово «эксклюзивный» за сегодняшнее утро мне давали по рублю, наверное, уже скопила бы на свой электровелосипед.

С этими мыслями я заперла дом и подергала дверь. Закрывает калитку забора и повторила ритуал. Знала, что глупо и ненужно. Но просто не могла не сделать. Привычка, которая всех смешила, а меня успокаивала.

Володя – редакционный водитель, с короткой мальчишеской стрижкой в свои сорок, брюшком и чуть обрюзгшим простым лицом, открыл мне машину.

Одеваться по случаю водитель не стал. Приехал в своих обычных спортивных брюках с футболкой. Так сказать, позволял высокому ньюсмейкеру увидеть себя во всей красе.

– Постараемся успеть, – деловито сообщил Володя, – Если что, Артур обещал предупредить, что задержал тебя на планерке.

Ну да... на личной планерке под кодовым названием «как не спугнуть миллионера лишними вопросами».

* * *

Мы миновали центр города, который гудел и жил своей жизнью даже сейчас, когда, вроде бы, все должны быть на работе. Так сказать, зарабатывать на хлеб насущный.

По улицам шествовали десятки пешеходов, из торговых центров сплошняком выходили посетители. В витринах ресторанов было отлично видно, что народу там полным-полно. В приоткрытое окно машины пахло жареной картошкой,

пиццей с ветчиной и горячим шоколадом.

Желудок возмущенно заурчал, напоминая, что я так и не пообедала. А с поездкой к Оленеву, видимо, и не поужинаю. Впрочем, я журналист, а нам не привыкать сутками бегать голодными. Думаю, именно благодаря нам и появилась пословица «творец должен оставаться голодным».

Правда, мы не только творили, но иногда и вытворяли...

Ничего. Возьму интервью, вернусь домой и... выпью чай на ночь. Наедаться на сон грядущий я не любила. Хотя многие из коллег превратили это практически в олимпийский вид спорта. Именно поэтому Чинхисхановна регулярно «не влезала» в модные шмотки, а Ставрительская с дочерью то и дело сидели на хлебцах. В такие дни я понимала – не каждый магазин может похвастаться таким запасом этих диетических продуктов, как кабинеты коллег.

Впрочем, по части правильного питания я тоже далеко не пример для подражания. Так и до гастрита недолго.

Хорошо, что желудок пока «держался». На честном слове и на одном крыле. На крылышках курицы, которые я часто закупала в ближайшем к дому магазине. Отличный, между прочим, перекус во время поездок на мероприятия, к ньюсмейкерам и в процессе создания очередного шедевра.

К сожалению, в последнее время журналистика стала чем-то вроде гонки за скоростью, а качество упало ниже плинтуса. О каком стиле, стройности мысли, отсутствии лишней информации могла идти речь, если все грузилось в интернет со скоростью сто статей за день?

Правда, после этого мы имели право поправить... Уже после того как все читатели оценили высоту нашей мысли, широту заблуждений по части грамотности и прямоту заявлений без проверки фактов.

Проскочив весь город с приличной скоростью, мы выехали на трассу и какое-то время спорили за дорогу с большегрузами.

Позади оставались поля, леса и речушки. Косматые подсолнухи смотрели нам вслед из-под челонок желтых лепестков, злаки шумно перешептывались с ветром, а деревья кивали кронами.

Я потеряла счет времени и даже интересоваться не хотела – опаздываем мы или нет. Ехали мы по загородной трассе достаточно долго.

Оставалось лишь надеяться, что Артур Наилевич не обманул и, действительно, предупредил Оленева, что опоздание – не моя женская фишка: мол, я дама, можете и подождать. А исключительно его редакторская блажь непременно выдать мне все ценные инструкции, что копились годами в ожидании подобной статьи.

Спустя некоторое время мы очутились на въезде в гигантский коттеджный поселок, больше похожий на домики для отдыха, расположенные в лесу. Новенькие, местами шикарные, под старинные дворцы, окруженные буйной зеленью и природой.

Поселок огораживал внушительный забор, напоминающий крепостную стену. Я даже глянула вверх – не засели ли там стрелки.

Ходили упорные слухи, что это место когда-то принадлежало семьям КГБэшников. И сейчас большую часть угодий получили их родственники. Поэтому и атмосфера тут особенная.

Так оно происходило или же нет, но я прямо ощущала, что здесь словно в крепости. Будто я уже не в родной стране, а где-то совершенно в другом месте. Автономном. Живущем по своим законам.

Нас встретил охранник в будке на высоте кабины большегруза. Посмотрел так, словно мы букашки и потребовал:

– Пропуск.

Я внутренне заметалась – ни о каком пропуске Артур Наилевич не говорил. Не хватало срезаться так, на самом простом – на въезде в поселок. Однако Володя опустил стекло своего окна и небрежно сунул охраннику бумажку. Тот

придирчиво вчитался, внезапно отдал честь и даже натянул на лицо приветливую улыбку.

– Добро пожаловать!

Ворота разъехались в стороны, и мы двинулись по вымощенной белой плиткой дороге. Глядя на ее чистоту, подумалось: наверное, тут дороги моют шампунями. Против перхоти, микробов и лишних визитеров. И, видимо, не один раз в день. Потому что уже за нами тянулся сероватый след колес.

За окнами замелькали причудливые коттеджи. Одни напоминали настоящие санатории, нового образца, разумеется. Другие – старинные замки, с завитушками на фасадах, статуями у входа и в парках. Третьи – чуть ли не готические дворцы с высокими башнями и витражами. Четвертые походили на особняки века 19-го. Чуть помпезности, немного вычурности и много-много-много архитектурного беспредела. Сразу видно – хозяева ничего не понимают в этом искусстве, но заплатили архитектору как создателю космической станции. И тот сделал все возможное, дабы любой, глядя на дом понимал: тут строили не просто так.

Я ожидала чего-то подобного от Оленева. Поэтому очень удивилась, когда машина миновала еще один пост охраны – уже личный, нашего бизнесмена – и мы словно оказались в лесу. Серая брусчатка вывела нас к дому из коричневого кирпича. Пятиэтажному, добротному, но без малейших излишеств. После всего безумия архитектурной мысли и хаоса украшений, на этой постройке просто глаз отдыхал.

Мы остановились прямо у крыльца, на специальном возвышении для машин. Одним из нескольких.

Володя открыл мне дверь, а на входе в особняк меня встретил высокий мужчина в черной футболке и брюках. Судя по грудным мышцам, каменному выражению лица и челюсти, которую можно было разделить на двух амбалов – явно охранник.

– Олена Харитуллина? – пробасил он.

– Да! – бодро заявила я.

– Следуйте за мной! – полицейским клише пригласил телохранитель.

Мы вошли в дом и миновали просторную кухню-гостиную, скупую, но эффектно обставленную деревянной мебелью под старину. Поднялись на третий этаж по широкой лестнице с ажурной балюстрадой перил.

Охранник поздоровался с коллегой – у дверей одной из комнат.

Второй амбал, примерно такого же роста, что и мой провожатый, тоже в черной футболке и брюках и с подобной же нижней челюстью, отворил дверь.

Я вошла, едва зацепила взглядом стеллажи во все стены, большой черный рабочий стол, какие уже видела – за ним можно было работать и стоя, и сидя, регулируя высоту электроприводом.

Однако почти сразу мое внимание отвлек мужчина, который встал из-за стола и двинулся навстречу.

Я сразу узнала его. Красивые крупные черты лица, ярко-зеленые глаза, белокурые волосы, собранные в хвост. Свободная белоснежная футболка и черные брюки подчеркивают поджарую, мускулистую фигуру.

Господи! Да это же мой вчерашний незнакомец!

Тем временем, Люцифер приблизился, окинул меня внимательным взглядом, почему-то облизал губы и произнес настолько официально, что я поразились:

– Олена Харитуллина, насколько я понимаю? Добро пожаловать. Рад познакомиться. Меня зовут Ярослав Оленев. Можно просто Ярослав.

С минуту я смотрела на него, не понимая – действительно, Люцифер не узнал меня или придуривается. Но Оленев сделал широкий жест, предлагая разместиться в одном из пышных белых кресел.

– Я дам интервью на темы, которые сейчас перечислю. Сразу договоримся, какие вопросы неприемлемы, а какие стоит задать обязательно. Потом я покажу вам

лес, у меня очень много краснокнижных животных...

Похоже он гордился своим «хозяйством».

– Что вы так на меня смотрите? – невозмутимо спросил Оленев.

Я заставила себя успокоиться. Делает вид, что мы не знакомы? И пусть!

Миллионер, что меняет женщин как перчатки, может вообще не запоминать лиц тех, на кого у него эм... определенная реакция тела. Да и какое мне дело – узнал меня Оленев или же нет? Но почему-то обида поднималась из глубины души. Хотелось возмутиться, высказать этому самодовольному болвану все, что думаю.

Но я быстро взяла себя в руки. В конце концов, прежде всего я – профессионал. Я приехала сделать эксклюзивный материал, и я его сделаю. Получу свою премию и схожу в клуб, чтобы потанцевать с нормальным мужчиной. Я иногда ходила в джаз клуб в центре города. Обстановка там сильно отличалась от обычной дискотечной, а публика собиралась более-менее приличная.

И пусть этот самодовольный индюк идет на все четыре стороны.

Я вскинула голову и на вопросительный взгляд Оленева произнесла:

– Добрый день. Извините, меня немного укачало. Мы долго ехали. Рада познакомиться. Давайте приступим к делу. Хотелось бы вернуться домой не поздно. У меня дочка. Разумеется, я посвящу вам столько времени, сколько потребуется для широты и качества освещения темы.

Вот теперь уже Оленев уставился на меня, как баран на новые ворота. Переступил с ноги на ногу, медленно обогнул по касательной, разместился за своим рабочим столом и продолжил гипнотизировать.

Я улыбнулась своей самой нейтральной, официальной улыбкой. Так я улыбалась на брифингах, когда чиновники заливались соловьями о том, как они заботятся о народе, а мы, журналисты, усиленно делали вид, что верим. На самом деле, на манер глухарей даже не слушали.

– У вас есть ко мне дополнительные вопросы? Может, пожелания? Вы что-то хотели сказать, когда вошли или мне почудилось?

То ли Оленев меня провоцировал, то ли что-то хотел узнать. Во всяком случае, смотрел он так, словно планировал просветить меня, как рентгеном и аппаратом МРТ вместе взятыми. Я решила держать марку. Уж если этот чванливый миллионер делает вид, что мы не знакомы, вернее никогда раньше не виделись, и вообще он не узнал меня, то и я не собираюсь навязываться.

– Как я вам и сказала, меня немного укачало в поездке. К тому же я не успела пообедать. Прошу прощения за странное поведение. Давайте начнем работать.

Вместо ответа Оленев приподнял бровь, хмыкнул и что-то написал на компьютере. Вскинул на меня пытливый взгляд и пояснил:

– Сейчас вам принесут поесть. А пока давайте начнем работать.

Глава 3

Ярослав

Артур Наилевич на ночное сообщение по ватсапу от главного и самого щедрого спонсора ответил сразу же.

«В костюме Летучей мыши? Это была Олена Николаевна Харитуллина. А что? Хочешь, я вас познакомлю?»

«Нет. Спасибо. Есть другое предложение...»

Артур Наилевич согласился не сразу. Но куда деваться – хозяин барин. А Оленев умел настаивать. Спокойно, ровно и терпеливо. Пока собеседник не пасовал.

* * *

Все утро Ярослав провел за изучением биографии Олены и чтением ее журналистских работ.

Вначале он делал это, чтобы подготовиться. Знать – с кем предстоит иметь дело. Но чем больше Оленев вникал в статьи Летучей мыши, тем больше погружался в них, не в силах вынырнуть из глубокого омута авторской мысли.

Олена не просто писала о чем-то – она пропитывалась информацией, впечатлениями, ощущениями. Всегда выражала свое мнение, но не навязывала его читателю. Так, что в каждой строчке сквозил ум, талант и деликатность автора.

Оленьев даже отминусовал гадкие комментарии к статьям и очеркам Олены, явно написанные теми, кто даже не открывал тексты. Завистиками, копирайтерами, хейтерами. Вполне вероятно – коллегами из редакции. Судя по тому, каких дамочек набирал Артур Наилевич, это самый вероятный вариант.

За каждой строчкой Оленев видел автора. Женщину незаурядную, интересную, многое повидавшую, знающую себе цену.

Она все больше очаровывала Ярослава.

Вспоминался их танец, длиной в два часа. Когда не хотелось отпускать Летучую мышь. И потом, когда так и хотелось... От этих мыслей возбуждение нарастало, так, что начинало причинять сильный дискомфорт.

Биография Олены удивила Оленева. Он был уверен, что женщина моложе лет на 15 и даже прочитать про ее особенность, которую прежде считали болезнью. Пониженную температуру тела. Ту самую, о которой говорила Этель Яновна.

Такие люди по вполне официальным медицинским данным, медленней старели, могли заводить детей даже под пятьдесят лет и обладали еще рядом особенностей. Их Оленев тоже вспомнил. Со слов тети...

Когда коснулся локтя Олены – кожа ее показалась удивительно гладкой, но без малейших признаков эпиляции.

От этой мысли возбуждение нахлынуло снова. Оленев вообразил ее всю, без одежды. Глянцевую кожу, как на лице, плечах, руках. Блестящую в лучах солнца...

Пришлось срочно менять позу, и поправлять брюки.

Хорошо. Скоро эта Летучая мышка окажется в постели Оленева. И вовсе не в качестве женщины на одну ночь.

В качестве постоянной женщины. На большее он пока не замахивался. Только понимал, что хочет иметь Олену не один раз, а каждый день многие недели.

Разговаривать с ней у камина, слушая умные речи интересной женщины, любоваться...

Что ж... Оленев надеялся, что Олена выдержит проверку с честью.

О том, как она отреагирует на его тест, Ярослав даже не думал.

Деньги, забота, возможность не заполнять газету Артура Наилевича с требуемой скоростью, работать только по желанию и в свое полное удовольствие, все это с лихвой компенсирует неприятные ощущения женщины. Иначе и быть не может.

Оленев предварительно договорился с главврачом своей клиники о новом медосмотре и предупредив об особенностях Олены.

Артур Фридрихович даже обрадовался. Прежде он никогда не сталкивался с людьми, с «подобной природной аномалией».

И вот он – момент истины.

Охрана поселка доложила Оленеву, что гостя прибыла. Чуть опоздала, но Артур Наилевич уже дважды звонил с извинениями, предупредив, что лично задержал корреспондентку.

Когда дверь кабинета открылась, Ярослав медленно выдохнул, пытаясь скрыть волнение.

Летучая мышка выглядела еще более соблазнительной в простой одежде, которая лишь подчеркивала ее изящную фигурку, выпуклости, к которым руки так и тянулись. Высокий хвост освобождал шею Олены и подчеркивал красивый, утонченный овал лица.

Оленев снова поддернул брюки и встал навстречу госте.

Если бы не первая реакция Олены, удивленный и заинтересованный взгляд, что очертил лицо и фигуру Ярослава, Оленев решил бы, что она его, действительно, не узнала.

Вот это женщина!

С каждым новым вопросом Оленев убеждался в остром уме собеседницы, в ее способности внимательно слушать и делать акценты на главном.

Ярослав просто любовался ей. Длинной шеей, которая казалась еще красивей оттого, что Олена держала спину прямо и не сутулилась. пышной грудью, которая вздымалась часто и нервно, когда ее что-то волновало, чуть вздернутым носиком и большими глазами.

Олена прогулялась по владениям Оленева, оценила и краснокнижных сов, и волков, и лис.

Ярослав остановился возле ветки, где сидел его ручной филин – Митрофан. Серо-белый, с большими прищуренными днем глазами. Надел специальную защиту на руку и погладил птицу за «ушками». Митрофан довольно сощурился и медленно пробрался на плечо Оленева.

Олена улыбнулась, искренне и почти по-детски.

А вот когда Оленев отошел к вольеру, вытащил мышь из клетки и предложил птице, журналистка отвернулась. Нежная, сочувствующая, милая...

... Возле пруда Олена сразу обратила внимание на лилии – белые, с огромными глянцевыми лепестками.

Ярослав взял из столбика с кормушкой хлеб и протянул журналистке. Она приняла кусок из рук Оленева, старательно избегая прикосновений.

Покрошила и заулыбалась снова, когда золотые и пестрые карпы приплыли и начали жадно чавкать угощением.

Олена шарахнулась, когда лиса-мама вышла из норки и вытащила Оленеву зайца – привычный уже подарок хозяину поместья. Лисы часто так делали, словно благодарили за то, что Ярослав сохранил их среду обитания.

Однако, когда лиса гордо вывела пушистых рыжих детишек, Олена с удовольствием наблюдала, как Оленев чешет их за ушками.

– Попробуете мой бассейн? – предложил Ярослав, понимая, что это последняя, решающая проверка. Женщина, которая сразу же хватается за возможность искупаться в шикарном бассейне, определенно заинтересована в деньгах мужчины и его статусе больше, чем в нем самом.

– Не думаю, что это уместно! – ответ Олены просто ласкал слух. – Я бы предпочла отправиться домой. Хочу расшифровать пленку до ночи. А послезавтра пришлю вам черновик на согласование.

– Вы уверены? – решил все же подразнить Летучую мышку Ярослав. – Артур Наилевич с удовольствием у меня купался. В бассейном комплексе можно регулировать температуру воды, воздуха. Там есть морской бассейн и обычный...

– Спасибо. Не думаю, что это уместно.

Она полностью осуществила все надежды Оленьева. Даже больше. Не поддавалась на провокацию, не начала бравировать их танцем и вчерашней заинтересованностью Ярослава. Он дал понять, что не хочет об этом говорить и вспоминать. И Олена даже не попыталась разжечь в Оленеве вчерашний огонь страсти. Его реакцию на их близость она не могла не почувствовать, Ярослав слишком прижимал Летучую мышку.

Журналистка не кокетничала, не стремилась произвести впечатление или вызвать у Оленева вчерашние эмоции... или инстинкты, тут как посмотреть.

Это очень понравилось Ярославу.

После отказа пользоваться бассейном Олена уехала, а Ярослав наблюдал из окна, как удаляется ее машина.

Что ж... Эта женщина ему подходит. Через пару дней ее обследуют. Если есть необходимость подлечат, чтобы была чистой и здоровой. А потом Олена переедет к Ярославу с дочерью.

Разумеется, не в основном особняк – в гостевое крыло. Там Оленев сможет навещать новую любовницу в любое удобное для него время.

С Артуром Наилевичем он легко договорится.

Все складывалось более чем удачно. Настолько, что на вопросы Этель Яновны:

– А поподробней о вашем общении не расскажешь?

Ярослав ответил:

– Все прошло замечательно. Незачем рассусоливать. Все идет, как я и планировал.

Тетя прищурилась, посмотрела внимательно, настороженно и произнесла:

– Что ж... главное, чтобы ты умел правильно планировать.

– Я уже встречался с женщинами! – возразил Оленев.

– Люськи не в счет! – отмахнулась Этель. – Но я не настаиваю. Поговорим, когда захочешь. В этом смысл психотерапии. Пациент приходит к врачу, когда тот ему нужен. А не когда врач сочтет, что пора провести очередной сеанс промывки мозгов. Вот только мне кажется, что твой план скоро потерпит фиаско.

Ярослав на секунду засмотрелся в зеленые глаза тети. Шутит? Что-то предчувствует? Оленев и верил, и не верил в паранормальные способности

Этель Яновны.

Все же есть на свете вещи, которых наука не понимает.

Перед тем, как убили маму Ярослава, отец звонил домой и почему-то особенно волновался. Оленев помнил, как мама беспечно напевала, дожаривая оладьи и вдруг раздалась трель телефона.

– Все хорошо, милый! Что может с нами случиться?

Ее веселый голос врзался в память... И Ярославу и отцу...

И теплая улыбка, когда она убеждала мужа не возвращаться пораньше. Мол, все хорошо. Ее Ярослав тоже отлично запомнил.

Отец все же приехал гораздо раньше, чем планировал. Но все равно не успел.

Оленев помнил и как тетя внезапно явилась к нему в школу и забрала домой без всяких объяснений. Ярослав тогда учился в пятом классе. А потом в коридорах случилась перестрелка из самодельных пистолетов между двумя подростковыми бандами. И несколько одноклассников Оленева всерьез пострадали. Один почти год восстанавливался в разных больницах...

Предвидела ли Этель Яновна эту ситуацию? Или сердце женщины, что считала Оленева своим сыном, предчувствовало неладное? А, может, старые связи отца сработали, и Этель Яновну о чем-то предупредили?

Ярослав до сих пор точно не знал.

Но порой складывалось ощущение, что тетя гораздо больше, чем просто психолог.

Вот и сейчас она смотрела так, словно что-то знала. И Оленев на минуту усомнился в своих радужных планах.

Но что может пойти не так?

Ярославу не понравится статья? Ну и пусть! Поможет Олене переделать.

Она откажется проходить обследование?

Ну да. Некоторые взрослые и разумные люди панически боятся врачей и больниц. Даже при необходимости их туда не затащишь.

Ну уговорит уж как-нибудь. Бесплатное медицинское обследование – лишь одна сторона медали. Другая – не придется проходить регулярный медосмотр в редакции. Оленев знал, что Артур Наилевич организовывал их ежегодно – этим также занималась клиника Ярослава. И в этом году все только планировалось.

Оленев найдет нужные аргументы и правильные доводы.

К тому же, ради жизни в его поместье, возможности пользоваться средствами миллионера, вместе с дочерью, работать ровно столько, чтобы это приносило удовольствие, любая согласится на небольшие неудобства.

Нет, если Этель Яновна и предвидит какие-то трудности с Оленой, Ярослав все быстро решит.

* * *

Олена

Наверное, только усталость помешала мне разбить несколько тарелок по возвращению домой. Оленев делал вид, что мы не встречались, хотя по каким-то косвенным, едва заметным приметам, я была уверена, что он узнал меня.

Временам, когда Оленеву казалось, что я не вижу, он смотрел с улыбкой, словно говорил «Хм... А она не пытается напомнить о вчерашнем». Иногда он забывался и переходил на «ты», кажется, сам этого не замечая.

Впрочем, если Оленев считает, что общаться с такой, как я, ему не по статусу, что я лишь возбуждающее во всех смыслах приключение, значит так тому и быть.

Не стану навязываться. В конце концов, мы, и правда, слишком разные.

Оленев живет в своем поместье. Общается с животными не хуже Маугли. Словно все это – домашние зверьки. А я – сто процентный городской житель. Коснувшись любого животного, бегу мыть руки. Общаться близко с дикими зверями и птицами просто опасюсь. Мало ли...

В целом Оленев произвел на меня впечатление высокомерного выскочки, которые только и занимается самолюбованием и, по-настоящему, искренен только со зверушками.

Возможно, мне хотелось видеть его именно таким. Заносчивым, самолюбивым и нетерпимым к другим.

Хотя бы потому, что романтический танец с Люцифером запомнился мне как один другой. И я покривила бы душой, заявив, что не хотела нашей новой встречи. Знакомства, общения, совместного времяпрепровождения.

Я уехала от Оленева в твердой уверенности, что выброшу его из головы и сделаю лучшую статью в своей жизни. Чтобы этот высокомерный гад даже придраться не смог!

Весь вечер я провела за расшифровкой интервью, стараясь уловить акценты. Бархатистый низкий голос Ярослава напоминал, какой же он шикарный мужчина. Но я старательно гнала эти мысли.

– Ма-ам! – восторженный крик у двери заставил меня забыть обо всем.

Вот что у меня всегда есть и будет. Моя дочурка. Мое солнышко. И сколько лет бы ей ни исполнилось, Лиса – мое маленькое сокровище. Я всегда буду видеть в ней ту малышку, что держала меня за руку пухлыми пальчиками, когда мы шли по дороге в первый раз. Карпузика, что забирался на колени и просил:

– А давай вместе посмотрим мультики.

Я ловила на себе взгляд больших карих глаз, и понимала, что отложу все на свете ради улыбки дочурки. Закрывала рабочие файлы и включала

мультфильмы.

– Что у нас на ужин? – Лиса оставила сумку в своей комнате и рванула к холодильнику. Вечно голодная ученица колледжа!

Я поспешила к холодильнику следующей.

Мы вытащили котлеты, картофельное пюре, разогрели в микроволновке и вместе с удовольствием умяли по порции.

– Слушай, а ты правда брала интервью у того самого Оленева? – вдруг спросила дочка.

Я даже растерялась. Откуда она узнала? Я обычно не сообщаю Лисе о редакционных заданиях.

– Эм...

Пока я думала, что ответить моей проницательной малышке, Лиса усмехнулась:

– Я слышала часть записи, когда вошла. Ты обращалась к нему по имени и фамилии.

– Ну да. У того самого.

Ну хотя бы она у меня не телепатка! Не хотелось бы отдать дочь в какой-нибудь секретный корпус. Дабы потом гордиться тем, что осталась одна, зато помогла стране.

– Ого! И какой он?

– В моей сумке фотоаппарат. Сама посмотри.

Лиса пулей вскочила и вытащила фотик.

Включила и принялась листать снимки.

– А он красавчик! Хоть и старый. В смысле, среднего возраста, – она покосилась на меня.

– Да-да. Все мы такие древние, что динозавров видели, – усмехнулась я.

– Да не! Мам, ты красавица. И выглядишь так, что мне все одноклассники завидуют. Думают, ты пластику делала или ботоксом как-то накачалась.

– Ага. Как воздухом.

– У него шикарный дом и зверушки просто чудо! – восхищенно произнесла дочка.

– Прости, дорогая. Я бы тебя взяла, но не могу. Это работа. А такие люди ценят уединение.

– Понимаю, – вздохнула Лиса. И вдруг лицо ее прояснилось, а в глазах зажглись хитрые искорки. – А ты очаруй его! Ты вон какая красавица! Он небось таких только в фотошопе и видел! Соблазни и мы переедем к Оленеву в поместье! А?

Я усмехнулась и потрепала Лису по голове.

– Дорогая. Он совершенный эгоист, заносчивый и себялюбивый.

– Да? А по интервью не скажешь.

– Ну какой же богачей и меценат захочет выглядеть в интервью таким, как я описала?

– Ну да... наверное.

– Никакие дома, деньги и прочее не стоят нормального человеческого общения. А на него Оленев определенно неспособен.

Я сказала вполне искренне, но одновременно поняла, что расстраиваюсь, произнося вслух собственные мысли. Будто сейчас, когда они стали материальными, я окончательно утратила романтический дух нашего с

Оленевым танца и вечера.

А прощаться с ним ой как не хотелось.

Тогда я не думала – богат ли партнер и почему он так странно ведет себя. Просто наслаждалась танцем и тем, как он обнимал, реагировал, как на единственную женщину на свете. Как не мог сформулировать, что хочет меня подвезти и ждал, не выйду ли я, чтобы согласиться.

Я видела тогда совсем другого мужчину.

Не думала – есть ли у него загородная вилла, собственный лес, миллионы... Меня очаровал партнер и отпугивал лишь своей загадочностью и непонятностью.

Теперь же я убедилась, что все это – лишь маска. Вроде той, с рожками, что надел на себя Оленев. Пыль в глаза – и ничего более. И если между нами случилась какая-то химия... Все прошло и быльем поросло.

Лиса налила нам чаю, выпила пол чашки и нарушила молчание:

– Он оказался заносчивым придурком?

– В точку! Да и у таких, как Оленев, женщин как рыб в пруду. Может и больше. Не думаю, что он позарился бы на женщину моего возраста, без модельных данных, да еще и с дочкой. Уверена, у него свободных, юных и анорексичных полным-полно.

– А ты спрашивала? – Лиса вскинула брови.

– Нет. Это неэтично. С первых минут встречи Оленев обрисовал круг возможного интереса нашего издания. Его личная жизнь и происхождение стартового капитала в этот список не вошли.

– Значит скрывает! – сделала вывод Лиса. – А скрывают обычно то, чем не гордятся! Ты права, мам. Нам и так хорошо. А ты еще найдешь хорошего мужчину. Я в этом уверена.

Я пожалала плечами.

– Нам и так хорошо.

Конечно, мне иногда очень хотелось почувствовать себя любимой, желанной. Чтобы мужчина смотрел, как Люцифер на празднике, прижимал и неровно дышал...

Я все-таки женщина... Но, в конце концов, я и так взяла от жизни многое. Жаловаться – грех!

Я выгляжу на 15 лет младше сверстниц и дальше буду также медленно стариться. Мужчины заглядываются, иногда предлагают встречаться.

У меня чудесная дочка. Умница, отличница, помощница по хозяйству и просто прекрасная девочка.

Желать еще, чтобы самый загадочный миллионер страны на меня запал и вдруг решил жениться или завести серьезные отношения – уже наглость.

На месте госпожи Фортуны я бы обиделась.

Да и я уже далеко не в том нежном возрасте, чтобы считать, будто красавец миллионер, едва завидев меня, влюбится без памяти. Захочет не только мое тело, о чем я уже точно знала, но еще сердце и руку.

Это как-то совсем уж сказочно!

* * *

Весь следующий день я провела за статьей.

Материал получился интересный и, как ни странно, достаточно личный. Несмотря на обход определенных, любопытных для общественности тем. Зато Оленев выразил свою позицию в отношении уничтожения природы ради коттеджных поселков для нуворишей. Как выяснилось, дом достался ему от

отца. И Оленев сделал все возможное, чтобы природа в его владениях осталась нетронутой. Он, и правда, вакцинировал зверушек. И даже взял на работу приходящего лесника из ближайшего заповедника, чтобы тот следил за экосистемой.

Рекомендовал какие деревья пора бы спилить, а каким следует дать больше простора, солнца и удобрений. Популяции каких животных слишком выросли, а какие начали сокращаться.

В общем, Оленев подходил к вопросу достаточно серьезно и даже почти научно. Это заслуживало уважения.

Я засняла Ярослава с лисицей и ее бесшабашной малышкой. Эта фотка первой пошла к статье.

Оленев лично следил за тем, чтобы для элитной линейки его мебели использовались только те деревья, которые следовало вырубать, чтобы прореживать лес. Проверял все очень скрупулезно и за нарушения жестко наказывал.

Жил он практически отшельником. С тетей, домохозяйкой, которая ночевала в одной из гостевых пристроек, и охранниками. Последним выделялось дальнее крыло дома.

Водитель приезжал по мере необходимости и ночевал также.

Оленев не считал это одиночеством. Кажется, ему все нравилось. Он чувствовал себя свободным от обязательств. И не скрывал этого, разрешив опубликовать собственные слова на данную тему.

Ближе к вечеру статья полностью созрела. Я отписалась Артуру Наилевичу, который непрерывно дергал меня по ватсапу. Ежечасно напоминал, что такие, как Оленев, не любят ждать и терпеть не могут непунктуальность.

Я выслала материал на согласование, написав, что постаралась закончить быстрее, но тщательно следила за качеством.

Оленев не ответил, и я решила что стоит подождать до завтра.

Дергать ньюсмейкера следует, только если он не подает признаков жизни пару дней или даже чуть больше. Журналист должен уметь слушать, бегать за сенсацией и... ждать тех, кто ее предоставляет. Минус один пункт – и удачи не жди.

Истошные сообщения редактора во все чаты: скайп, вотсап, вконтакте гласили:

«Ну что там?»

«Он ответил?»

«Он что-то написал?»

«Есть новости?»

Я выждала, пока схлынет первый градус возбуждения шефа на тему сенсации, эксклюзива, уникального материала и ответила только на последнее сообщение:

«Ты ведь отправила ему статью?»

«Да. Жду. Как напишет, сообщу».

* * *

Ярослав

Он проверял почту как ненормальный, в ожидании весточки от Олены. Оленев уже и не помнил, когда с таким волнением чего-то ждал. Не мог сообразить. Ничего похожего он уже давно не испытывал.

Оленев как-то прошел мимо первой влюбленности.

В вузе нелюдимый мажор, без замашек высокородного принца, привлекал внимание девушек. Оленев не чурался их общества, с удовольствием ходил на свидания и срывал сладкие цветы первого секса.

Ничего никому не обещал и совершенно не чувствовал себя обманщиком.

После того, как одна из партнерш заразила его молочницей, парень решил, что впредь будет осмотрительней. И хотя врач уверял, что это вовсе не венерическое и может возникнуть само по себе, особенно у женщин, Оленев решил не рисковать. Перед постелью отправлял девушек к отцовскому врачу.

Если отказывались, находил других.

Оленев не испытывал трепета перед встречей с очередной... возможной любовницей...

Только любопытство и чисто мужское желание сбросить накопившееся напряжение. Сейчас все это тоже присутствовало. Но не только.

Мысль о том, что скоро Олена напишет, по-настоящему волновала Ярослава. Он помнил, что Летучая мышь обещала статью только завтра, но почему-то все равно ждал.

Когда письмо от журналистки упало на почту, у Оленева перехватило дыхание. Сердце заколотилось так, словно они уже в постели.

Ярослав быстро пробежался по строчкам. Хм... Хорошо. Даже очень.

Олена воздержалась от комментариев и высказываний собственного мнения, оставив все на откуп читателей. Написала спокойно, без бурного восторга богатым импозантным нюсмейкером и без откровенного негатива в адрес нуворишей.

Ярослав едва сдержался, чтобы сразу же не ответить журналистке.

Нет. Нужно выдержать паузу. Пусть там немного помучается. Тем приятней и желанней будет его звонок и... приглашение. Оленев не сомневался, что Олена

очень ждет этого. Именно ждет и никак иначе.

К восьми утра следующего дня терпение Ярослава лопнуло, и он набрал знакомый номер.

– Да, Ярослав Всеславович? – ее мягкий, мелодичный голос ласкал слух. И Оленев внезапно понял, что скучал по этому голосу. Реально, соскучился? Да! Как и по самой этой женщине!

Он прочистил горло и попытался выровнять дыхание, чтобы Олена не заметила волнения.

– Я пробежался по статье. Вы молодец. Давайте встретимся сегодня и окончательно все обсудим. И думаю, сразу материал согласуем.

– Эм? Я не уверена, что Артур Наилевич даст мне машину...

Почему она начала отпираться? Что-то кольнуло в груди Ярослава. Неприятно так, слегка болезненно. Словно черная туча резко заслонила солнце. Это ощущение – надвигающейся грозы было очень странным и непривычным.

Оленев отогнал его и постарался придать голосу побольше спокойствия.

– Олена. Я бы хотел переговорить с вами лично. Я пришлю за вами шофера через час. Успеете собраться?

– Думаю да... – немного растерянно произнесла она.

– Вот и отлично!

Оленев сбросил вызов и какое-то время бесцельно мерил шагами свой кабинет. Почему ему настолько не по себе? Откуда это ощущение неуверенности? Словно колесо судьбы повернулось не туда, куда следовало. И Ярослав уже ничего не может поделать. Все. Свершилось. Теперь только жди!

Да нет же! Глупости! Он просто волнуется! Нелепо и по-мальчишески. Почему? Да черт его знает?! Эта женщина вызывала все больше незнакомых эмоций.

Тревогу о том, что она подумает и как начнет действовать, трепет от мысли, что Олена вновь окажется в его объятиях.

Окажется! Куда же она денется?! Еще ни одна ни разу не отказывалась!

Возбуждение. И не только физическое. Он места себе не находил, пока не дождался приезда Олены в прошлый раз и теперь все повторялось заново.

Нетерпение, желание показать себя с лучшей стороны, свое поместье и дом. Он вчера из кожи вон лез, выпендривался, как сказал бы отец. И зачем? Чтобы журналистка оценила то, чего она и без этого никогда прежде не видела в частных владениях?

Оленев заказал домработнице холодный чай. Спустился, осушил два стакана разом. Прохладный напиток с лимоном и мятой всегда успокаивал. Но только не сейчас.

Чтобы скоротать время до приезда Олены, Оленев отправился в лес. Прогулялся, проверил – нет ли мусора, принесенного кем-то из служащих или заброшенного с соседских участков шальным порывом изменчивого ветра.

Позвонил лесничему.

Тимофей Федорович, мужчина неопределенного возраста, ответил знакомым чуть сиплым голосом:

– Да, Ярослав Всеславович?

– Вы сегодня у меня были?

– Как всегда, в четыре утра.

– И как дела?

– Пока все хорошо. Если, что звоните. А так приду послезавтра на инспекцию.

Ну вот. Все нормально складывается.

Оленев вернулся домой, принял душ и переоделся в белую рубашку с брюками.

Пригладил волосы, словно не с женщиной встретиться планировал, а посетить важное мероприятие.

Когда Ярослав уже считал минуты, охрана сообщила, что машина с журналисткой проехала через пост.

Оленев сам вышел из дома и встретил Олену, когда та выходила из джипа.

Журналистка выглядела деловито, серьезно, немного взволнованно. И это Оленев счел хорошим знаком. Ждала, переживает, ей не все равно, какие решения принял для себя Ярослав в ее отношении.

Ну а как вообще может быть иначе? Он же – Ярослав Оленев.

Оделась как вчера – спокойно и сексуально.

Длинное платье свободного кроя, с поясом, который подчеркивал умопомрачительную талию и вязаная туника. Олене очень шел зеленый, хотя многие женщины в этом цвете выглядели старше. Даже те, которым едва двадцать исполнилось.

Оленев залюбовался. Так, что даже забыл, что тут делает. Просто смотрел, сглатывал и думал, как отреагирует Олена, если вдруг окажется в его объятиях, а потом – и в постели. Возбуждение нахлынуло резко, да так, что белье показалось жестче металла.

Да плевать на врача! Вряд ли такая женщина больна венерическими инфекциями. А если что, можно и вылечиться. Терпение Оленева трещало по швам.

Олена притормозила и только теперь Ярослав догадался о причинах ее замешательства.

– Добрый день. Еще раз! – журналистка подчеркнула вторую часть фразы. И Оленев понял, что она уже здоровалась, просто он не услышал фразу. Весь ушел в предвкушение встречи. Улыбнулся, как мог, и ответил:

– Добрый день. Давайте прогуляемся и все обсудим.

Глаза Олены удивленно расширились.

– А разве вам не нужен компьютер или хотя бы распечатка статьи? Чтобы указать на неточности или то, чем недовольны?

Ах, да! Интервью!

Артур Наилевич умеет убеждать и надоедать. Это Оленев прочувствовал на себе. Еще когда его буквально вытащили на корпоратив.

– Статья мне понравилась. Все хорошо.

Вот теперь Олена сделала шаг назад и пораженно вскинула бровь.

– Тогда зачем же вы меня вызвали?

Оленев стремительно двинулся к журналистке, почему-то не желая, чтобы между ними оставалось такое большое расстояние, а она опять отступила.

Ладно, черт с ним! Обследование подождет. От желания у Ярослава аж промежность свело.

Он быстро настиг Олену, схватил и поцеловал.

Летучая мышь забилась в его руках, принялась вырываться.

А вот это уже что-то новенькое! Оленев был уверен, что она поддастся, и спустя пару минут начнет изгибаться под ним в постели. Но журналистка почти дралась.

Молотила кулачками по его плечам, пыталась ударить коленом. Неумело, неловко, но все же!

Ярослав сделал над собой титаническое усилие, чтобы отпустить ее.

Олена метнулась к машине, затем вспомнила, что это машина Оленева и бросилась к воротам владений Ярослава.

Он мог бы догнать ее за минуту. Схватить и остановить. Именно это сейчас и хотелось сделать Оленеву. Запретить ей убегать, сломить сопротивление. Взять ее.

Словно инстинкт охотника лишь подогрел желание.

Задним умом Оленев понимал – происходит совсем не то, чего он ожидал, что планировал. Олена ведет себя абсолютно не так, как представлял Ярослав. Лучше притормозить и все выяснить.

Но желание оказалось сильнее голоса разума. Впервые в жизни Оленев совсем потерял контроль и способность нормально оценивать ситуацию.

В два шага нагнал Олену, прижал к забору хрупкое тело и понял, что не может от нее оторваться. Снова поцеловал, потерся о журналистку тем, что давно просилось из брюк. Да пусть успокоится! Он достаточно ей все компенсирует, даже если Олена еще не готова к сексу!

Ничего страшного! Потерпит, а потом привыкнет и войдет во вкус.

Это же только первый раз! Поначалу любая женщина ерепенится!

Конечно, все было не так, и Оленев это отлично осознавал. Просто не мог себе признаться... Если женщина хочет – она сама начнет проявлять инициативу, а не брыкаться, как ретивая кобылка. Но, казалось, у Ярослава совсем сорвало крышу. Он перестал понимать – чьи желания осуществляет. Убеждал себя, будто Олена хочет и только делает вид, что противится.

Горячее рваное дыхание журналистки Оленев принимал за возбуждение, сдерживаемое желание, а не признаки ярости. Удары кулаков по плечам списывал на то, что она не хотела сразу сдаваться. Пыталась выглядеть недоступной. Набивала себе цену.

Он все объяснял так, как хотел...

Журналистка закричала, да так, что у Оленева заложило уши.

И ладно бы просто, но она еще и выразилась про Ярослава.

- Идиот, урод, насильник! Да пошел ты со своим интервью!

Это немного отрезвило. Она не просто стеснялась или не была готова к столь быстрому развитию событий. Не-ет. Она этого не хотела!

Оленев остановился. Отпустил женщину и уперся руками по сторонам от ее головы. Тяжело дыша и глотая слова, уточнил:

- Ты чего?

Олена округлила глаза, последовал резкий взмах руки и удар. Оленев аж дернулся от звонкой пощечины. Щеку обожгло, а журналистка повторила. И когда Ярослав инстинктивно приложил руку к щеке, отскочила в бок.

Уставилась, сверкая глазами. Ноздри раздуваются, губы поджаты, тело – само напряжение. Не возбуждение женщины, что ждет интимных ласк и предвкушает их – напряжение жертвы, готовой спастись от злобного хищника.

Оленев тряхнул головой, пытаясь привести мысли в порядок.

Он решительно не понимал, что происходит. Как вообще до такого дошло? Она ведь хотела его. Во всяком случае, Ярослав нравился ей, там, на корпоративе. Конечно, Олена не из тех дешевок, что текут от ощущения мужского желания. Но она прижималась к Оленеву, чуть заметно терлась, обнимала и улыбалась. Ей однозначно нравилось с ним танцевать, и он ей однозначно нравился!

Оленев немного продышался, глядя на журналистку в упор и не понимая, что теперь делать.

Отпустить? Нет, только не это! Хуже и быть не может!

Вначале надо все прояснить. Может все дело в другом...

– Я узнал тебя, Летучая мышь! – выпалил Оленев.

Губы Олены скривились.

– Я это еще позавчера поняла, – процедила она. – Как и то, что я не того поля ягода, чтобы великий Ярослав Оленев со мной здоровался и помнил о нашем мимолетном знакомстве!

Ах вот оно что-о! Ее задела его невниманье и забывчивость. Ну это легко исправить! То же мне проблема!

Оленев двинулся навстречу Олене. Но журналистка шарахнулась так, словно вот-вот опять убежит, и Ярослав остановился.

– Слушай. Ты же понимаешь. Не маленькая. Я видный мужчина, состоятельный. Один из самых богатых. Многие хотели бы заполучить меня в любовники.

Олена скрестила руки на груди и молча слушала.

– Поэтому я не могу быть уверен, что незнакомка на корпоративе не заигрывала со мной, зная кто я.

Вот теперь журналистка фыркнула и усмехнулась.

– Да сто лет мне сдалось бегать за миллионерами!

Маленькая, гордая, независимая. Оленев вдруг понял, что восхищается ей, не смотря на злые слова, что летели в его адрес. Ну ладно. Он ее сейчас успокоит... помирится с ней и... продолжит начатое.

– Именно в этом я и хотел убедиться. Если бы ты на интервью попыталась напомнить о нашем знакомстве, флиртовала...

– Я была бы дурой и проституткой! – выпалила она.

И снова Оленев почувствовал, что ярость в ее глазах, этот огонь, который, так трудно погасить, ее напряженная поза, ее возмущение возбуждают и восхищают только сильнее.

– Вот поэтому я и понял, что ты меня достойна! – радостно закончил он. – Я уже позвонил в свою клинику, чтобы тебя обследовали. Но решил не ждать. Мы станем любовниками уже сейчас! А статью я согласовал!

Оленев ждал, что она расслабится, подойдет. Скажет, как же здорово, что все выяснилось! Позволит себя поцеловать...

Но Олена вдруг развернулась и метнулась к выходу. Не успел Ярослав и слова добавить, как она уже выскочила на дорогу и понеслась по поселку. Оленев сел на велосипед и рванул следом. Но тут, как назло, на дороге появился большой синий джип Александра Тамилина – владельца нескольких строительных компаний и половины аптечных сетей.

Машина притормозила рядом с разъяренной Оленой.

– Может вас подвезти? – предложил Александр, открывая заднюю дверцу.

– До города подкинете?

Оленев еще не сообразил, что делать и как вмешаться, когда джип унесся прочь, оставив его на дороге. Растерянного и пораженного.

И, что самое удивительное – он не злился на Олену. Напротив, ее поступок даже восхищал Ярослава.

Вот только он совсем не понимал – что предпринять дальше.

Единственное, что отчетливо осознал Оленев – ему нужна эта женщина. Очень нужна. Срочно. И никаких других вариантов нет.

А значит нужно идти туда, куда следует ходить по собственному желанию – к Этель Яновне на сеанс.

Она будто заранее знала, как все сложится и даже пыталась предупредить. Вот только Оленев не послушался...

Что ж, теперь он ее выслушает, примет все к сведению, и сделает так, как посоветует тетя.

Потому что Олена должна стать его женщиной!

Должна! Иного варианта для себя Оленев не видел...

Она словно разом приковала его к себе. Как, почему и когда, Ярослав не уловил...

Вот только даже пощечина от Олены значила теперь для него куда больше страстных и разнузданных поцелуев на все готовых шикарных девиц.

Глава 4

Олена

Почему я его не убила? Даже не знаю! Возможно, меня остановил охранник, застывший у дверей дома Оленева. Он как-то уж очень подозрительно пялился. Будто убивать хозяина особняка – дело неправильное, неблагоприятное...

Возможно, я очень вовремя вспомнила, что есть еще два свидетеля: водитель и второй охранник. И они меня враз скрутят. А потом тепленькой сдадут полиции.

Однако еще никогда я так не проникалась осознанием того, что у слов «убить» и «бить» один корень. Все книги фэнтези пробежали перед глазами, пока Оленев тискал меня. Те самые, где взвинченные гормонами оборотни пытались силой взять женщин, и не ощущали сопротивления.

Мои хилые попытки поколотить его, врезать коленом хоть куда-нибудь, Оленев, по-моему, вообще не заметил.

Даже обидно! Я так старалась оставить о себе долгую память, в виде внушительных гематом...

На пощечины Ярославу охранник дернулся. Но Оленев не выразил особенного возмущения, и верзла ничего не предпринял. Я смотрела на этого красивого, эффектного, богатого мужчину, у которого, казалось – есть все. Огромные владения практически в лесу, вдалеке от суеты цивилизации. Деньги, власть и уважение окружающих. В конце концов – шикарная внешность и отменное, судя по силе, здоровье. И недоумевала, как после всего сказанного смогу вообще произнести имя Ярослава без дополнительных матерных существительных. Не говоря уже обо всем сделанном Оленевым!

Вот же мразь! Вызвал меня как проститутку! Набросился, даже не собираясь спрашивать – согласна ли я стать его женщиной для утех. И – на посошок – напомнил: дескать, чтобы меня изнасиловали его сиятельное величество, необходимо пройти осмотр.

У меня в глазах темнело от ярости.

Заявление Оленева, что он узнал меня – с вызовом, с какой-то хозяйской ноткой в голосе, тоже вызвало у меня приступ ярости. Я не такая дура, чтобы не понимать этого! И не такая идиотка, чтобы не заметить!

А уж когда Ярослав поведал, что проверял меня, как какую-нибудь охотницу за богатыми мужиками... меня и вовсе переключило.

Дескать, я намеренно его интриговала на маскараде, чтобы потом захомутать!

Больно надо! То же мне подарочек!

Понимала ли я, что своим побегом могу перечеркнуть все годы честной журналисткой службы? Да! И еще как понимала!

Если сейчас Оленев в отместку заартачится и не согласует статью – все, меня разорвут на части. Грелка знаменитого на всю Россию Тузика еще будет надо мной надсмехаться.

Наши редакционные гадюки от счастья своим же ядом отравятся. Артур Наилевич меня по стенке размажет, скрутит ковриком и в окно выкинет.

За такую статью журналисты страны друг другу глотки порвут. А тут я с жалкими объяснениями, почему все сорвалось.

Да мне любимый редактор потом такие рекомендации обеспечит, что меня даже уборщицей ни в одну газету не возьмут!

Почему я считала, что Оленев и здесь подставит подножку? Да черт его знает! Видимо, после всего случившегося ничего хорошего от этого придурка уже и не ждала! Только новые гадости. Только новые подставы.

Сказал ведь – согласуем материал. А сам... чуть не изнасиловал...

Чудом вырвалась...

Хорошо хоть новый знакомый подоспел. Не то Оленев нагнал бы, затащил обратно в свое поместье и радостно продолжил начатое.

Куда я делась бы с просторной дороги коттеджного поселка? А уж вырваться из лап Оленева – вообще настоящая фантастика. Легче из-под асфальтового катка выползти.

Я ехала в чужой машине в город и не могла отделаться от воспоминаний.

Гадкие слова, наглая самодовольная физиономия Оленева, то как он меня лапал... Брр... Уж не знаю, как там предает тело женщин в книгах... Но я, кроме отвращения, в тот момент ничего не испытывала. Такого, что даже подташнивало.

Хотя, когда мы танцевали с Оленевым, я чувствовала, что если Люцифер поцелует, отвечу, хотела его ласк и даже, возможно, большего...

Молодой жилистый брюнет, в чьей машине я сбежала от Ярослава, первое время посматривал с улыбкой, но ничего не говорил. Я краем глаза успела рассмотреть его. Стального оттенка глаза, резкие черты лица, вполне гармоничные и привлекательные. Такие рисуют на обложках фэнтези, когда хотят изобразить каких-нибудь варваров.

Высокий лоб, квадратная челюсть, коротко остриженные густые черные волосы. Одет в дорожную полосатую безрукавку и тонкие черные брюки с ботинками, на которые я бы потратила все свои сбережения. Он определенно чуть моложе Оленева.

Когда дышать стало немного легче, а мы уже вовсю неслись мимо поля, оставив позади охранный пункт поселка, я повернулась к незнакомцу.

– Большое вам спасибо.

– Вы одна из женщин Оленева? – вместо «пожалуйста» уточнил мужчина. И мне немедленно захотелось выбраться из машины на полном ходу. Плевать на последствия! Титул оскорблял не меньше, нежели предложения Ярослава.

Женщина Оленева... Одна из... Мда... Бить по лицу водителя, который гонит по трассе – не самая удачная идея, если хочешь добраться живой... Зато крайне удачная, если хочешь глотнуть адреналина.

– Спокойно. Я просто предположил, – примирительно добавил мужчина.

– За некоторые предположения убивают! – вспыхнула я, не в силах сдерживаться.

Мой спаситель не обиделся – усмехнулся и добавил еще мягче.

– Простите. Наверное, я ошибся. Просто вы очень красивая, фигуристая. И явно имеете в голове значительно больше двух мыслей. Как раз то, что он любит.

– Плевала я, что он там любит! – снова возмутилась я. – Я вообще журналист. Работаю в издании «Каждый день». Ездил согласовать интервью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/sanlayt_agata/ukrotitel-nicy-millionerov

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)